

Слово-воробей вылетит и...

Нам не дано предугадать
Как наше слово отзовется, -
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

/ Ф. Тютчев /

С некоторых пор я боюсь о чем-то думать. Не думать вообще – я же не безголовое существо, а, не осознавая, «раздавать» пожелания людям, причем мысленно и впопыхах. Ключевое слово – не осознавая. Что самое невообразимое: хорошие и добрые напутствия-пожелания, произносимые традиционным способом - во время празднеств - возможно и сбываются, пусть и не дословно, а вот плохие... С плохими, брошенными мысленно и сгоряча, прямо беда. Не сказать, что они повторяются слово в слово, в точности следуя моим не озвученным посылам, но для меня это сомнительное успокоение.

Но начну по порядку.

Я помню себя лет с трех. К пяти-шести годам я превратилась в наблюдательного человечка. В основном наблюдала за красивыми женщинами, мечтала: когда вырасту, обязательно буду красить тушью ресницы, яркой помадой – губы, стану носить платье в обтяжку, подчеркивая свою бесподобную фигуру. Некрасивые женщины вызывали у меня недоумение, я считала так: они сами виноваты в своей некрасивости. И мои мысли нашли подтверждение в словах мамы, которая во время телефонного разговора с подругой обмолвилась: ухоженная женщина сама по себе красива, она привлекает внимание противоположного пола, любой уловкой можно спрятать некий изъян – спрятать недостаток, а не выпячивать его на всеобщее обозрение, как это делают некоторые, смиренно полагая, что их затрапезной внешности ничто не поможет. Если только волшебная палочка.

После слов мамы я сразу направилась к зеркалу, чтобы насладиться своей неземной красотой. Зрелище меня не сильно порадовало, получается, я не обладатель неземной красоты, а заявления мелких ухажеров из моей детсадовской группы – очевидный обман. Ранее я никогда не изучала свое

отражение с таким пристальным вниманием, совершенно к этому не стремилась, хватало слов родителей и тех самых мелких ухажеров.

После неутешительного вывода я задумалась о поисках волшебной палочки, способной превратить меня в самую красивую девочку в мире. На глаза попался карандаш-великан красного цвета, способный сыграть роль волшебной палочки. Я сжала карандаш в руке, зажмурилась и мысленно потребовала от обычного пишущего-рисующего предмета стать волшебной палочкой. От усердия я покраснела, и вдруг, после вторичного изучения собственной персоны в зеркале, с радостью заметила: румяное лицо в купе с лучистыми таинственными меня преобразили до неузнаваемости. Из зеркала на меня смотрела я и не я. Наконец, случилось! Случилось то, о чем мечтала: стала писаной красавицей, как Царевна из сказки или даже лучше.

Но следующее высказывание мамы, продолжающей болтать по телефону с подругой, погасило мою радость: не родись красивой, а родись счастливой.

Я придирчиво изучила карандаш-великан, волею случая ставший волшебной палочкой, и пробормотала, пусть не совсем уверенно:

- Я очень счастливый человек.

Возможно, себя убеждала, а никак не «волшебную палочку», не имевшую влияния на непомерное человеческое счастье. Раз так, то и необходимость в волшебстве отпала, а карандаш был использован по своему прямому назначению: сдуру я нарисовала замысловатый пейзаж на обоях: как всегда, солнышко в небе, облако, домик с трубой, из которой валит дым, и про цветочки у дома не забыла. Моя красочная работа не была оценена по достоинству, даже напротив, пришлось выслушать лекцию о моем нехорошем поведении, после чего я проследовала в угол – привычное для меня наказание.

Стоя в углу, я предавалась мечтам и всё раздумывала, как бы так сделать, чтобы мечты всегда сбывались. Но невольно прислушивалась к очередным телефонным переговорам мамы с подругой. Мама как бы прочла мои мысли и выразительно произнесла: «Каждый человек - сам кузнец своего счастья». Уж не знаю, о чем вели речь, но высказывание пришлось как нельзя кстати...

В моей группе детского сада посменно работали две воспитательницы. Обе глубоко пожилые – лет по сорок. Но в мои шесть лет все люди старше десяти

казались мне взрослыми, а старше двадцати - престарелыми. Одна воспитательница с первого дня моего пребывания в саду вызвала у меня жаркий интерес. Не сказать, что она была мне симпатична, вовсе нет, даже напротив - мы испытывали друг к другу неприязнь. Не знаю, чем была вызвана ее неприязнь ко мне – я не слыла хулиганкой и заводилой, хотя, тихоней тоже не была, а причина моего негативного отношения к этой грудастой даме крылась в ее внешнем виде и в резком голосе, от которого у меня закладывали уши. Больше всего мне не нравились в воспитательнице ее ноги, похожие на две перевернутые бутылки: ровные и толстые, переходящие в тонкие щиколотки. Несуразные ноги, иначе не скажешь. И что эта особа? Она не старалась спрятать свой внешний недостаток, напротив, подчеркивала свою «красоту» неправильно выбранной длиной платья: платье заканчивалось чуть выше ровной части ноги, выставляя напоказ неординарный переход.

Однажды воспитательница с резким голосом и с некрасивыми ногами без причины наорала на меня. Один мальчишка перевернул на меня тарелку с супом, а я оказалась виновата. Пострадала дважды – от супа из тарелки и от окрика: что за ребенок, с ним постоянно что-то происходит, нет сил терпеть... И всё в этом духе. На проделки пацана я отреагировала привычным способом – дала ему в ухо. Пацан заревел громче положенного, у меня от вторичного возмущения воспитательницы, значительно перекрывшего уровень предыдущего, привычно заложило уши. Или я намеренно отключилась, не желая слушать необоснованные обвинения в свой адрес. Мое пренебрежение к словам противной тетки были замечены и окончательно вывели ее из себя. Она больно схватила меня за руку, выдернула со стула и дотащила до угла, в котором постоянно стоял кто-то из нарушителей дисциплины. Я пребывала в полном недоумении: если наказывать, то обоих, ведь пацан первый начал. А так получается, что вина лежит на мне, пацан будто бы пострадавшая сторона. И теперь я стою в углу, а он корчит мне страшные рожи.

Ладно, постою, с меня не убудет. Хотя руки чешутся – очень хочется заехать пацану в другое ухо, чтобы оно стало под стать первому – увеличенному в размерах и покрасневшему.

Я сдержала свой порыв. Стояла в углу и косила глазом на пыхтевшую и лоснящуюся от пота воспитательницу. Та всё никак не могла отдышаться

после своего выпада, продолжала что-то бубнить себе под нос, в итоге решила меня еще сильнее унижить. Во весь свой противный голос объявила:

- Дети, если вы будет себя вести как Мухоморова, то закончите жизнь в тюрьме.

Вот это да! Вот это сказанула, так сказанула!

В нашем доме живет один дядька, он недавно освободился, сам об этом говорил во дворе другому нашему соседу, только он сказал – откинулся. Я спросила у папы, что такое откинулся. Он мне пояснил, погрузившись в свои химические формулы, что сосед отсидел в колонии положенный по суду срок и теперь вышел на свободу, не вдаваясь в подробности. Подробности мне были не нужны, а папе, без всякого сомнения, не известны с практической точки зрения. Брошенную объяснительную фразу услышала мама и вкрадчиво поинтересовалась у меня, зачем мне понадобились данные сведения. По чистоте душевной я поведала о беседе двух мужчин в нашем дворе, при этом не забыла употребить в рассказе новые слова, которые я почерпнула из разговора взрослых. Слова меня заинтересовали своей необычностью - в лексиконе моих родителей данные слова и фразеологические обороты никогда не звучали. Почему-то папа сразу оторвался от своих химических формул, а мама застыла с открытым ртом. Потом родители незаметно переглянулись, и папа чересчур вежливо попросил меня «впредь таких слов не употреблять, подобные слова применяют в разговоре только люди с низким интеллектом». А мама, сузив глаза, добавила: «Такие как бывший тюремщик». Я дала честное слово, что никогда не буду говорить нехороших слов, даже «дурак» или «дура». С последним я, конечно, погорячилась.

Почему после фразы глупой воспитательницы, стоя в углу, я вспомнила «откинувшегося» соседа? К тому, что она поставила нас рядом. Меня и беззубого дядьку, который курил вонючие папиросы, употреблял в своей речи нехорошие слова, имел татуировки и вообще выглядел ужасно.

Мне стало так обидно, что из глаз непроизвольно потекли слезы. Я точно знала, что никогда не стану такой, как беззубый дядька. Никогда-никогда. И как эта тетка-дура (случайно вырвалось!) с ногами-бутылками, так называемая воспитательница в детском саду, сподобилась сравнить меня, девочку из интеллигентной семьи, с каким-то тюремщиком!

Я не осталась без ответа. Но вслух свое возмущение не озвучила, даже не повернула головы в ее сторону, дабы она не насладились моим униженным состоянием – ей удалось довести меня до слез. Я прятала свое зареванное лицо, мечтала пройти сквозь стену, протиснуться сквозь угол, чтобы где-то затаиться и наревевшись всласть. И тут в моей голове неожиданно родилась философская мысль с налетом жестокости: чем иметь такие некрасивые ноги, как у этой вредной тетки, лучше вообще жить без ног.

Слушайте, что произошло в тот же день.

Злая воспитательница возвращалась домой в сумерках. Видимо, освещение на улице было слабым, а у дамы в возрасте имелись проблемы со зрением, которые компенсировал зычный голос, в результате дама не заметила большой валун на тротуаре, оказавший там по невероятному стечению обстоятельств, споткнулась об этот валун и не просто упала, упала – само собой, но еще скатилась в придорожную канаву. Сильно травмировалась, ко всему поломала обе ноги. В общем, надолго выбыла из строя. Больше я ее не видела.

В то время, ввиду своего возраста, я не соединила философскую мысль, пролетевшую в голове, со случившимся.

Но позднее... Позднее кое-что произошло еще...

В седьмом классе в нашу школу пришел новый историк, учитель по истории. Молодой, симпатичный, неженатый. Все девчонки старших классов тут же воспылали к нему любовью. В отместку ревнивые мальчишки принялись учителю дерзить и срывать уроки. Тот в долгу не остался: наказывал проказников беспощадно – выгонял с уроков и вызывал родителей. Причем подходил выборочно – особого внимания удостоивались зачинщики. Уж не знаю, как он их вычислял, возможно, глаз был наметан. Почему-то всегда так получалось, что у зачинщиков родители были круты на расправу, потому очередное «восстание» быстро затухало, не успев запылать в полной мере. В конце концов между историком и учениками установилось негласное перемирие, но каждый остался при своих интересах.

Я невзлюбила смазливового и мстительного историка с первого урока. Он, как человек пронизательный, сей факт просек, потому цеплялся ко мне без всякого повода. Моей настольной книгой стал учебник истории плюс

дополнительная литература, чтобы не ударить лицом в грязь на уроке и не предоставить учителю возможности насладиться своей победой.

Я не помню, откуда «ноги растут» у моей антипатии к нему - все-таки минуло тридцать лет, но, вероятнее всего, я шла в противофазе: если он нравится всем девчонкам, то я его возненавижу.

Каждый урок истории начинался одинаково: Мухоморова, к доске!

Пацаны ехидно похихикивали и тайно радовались – их-то не вызвали! А девчонки дико ревновали, считали показательным интересом вот такие придирки и измышательства.

Я не собиралась никому ничего доказывать, зубрила заданный материал по истории и не заданный – тоже. В результате съехала по другим предметам, удивив родителей, которые до сей поры никогда не ограничивали мою свободу и не контролировали каждый шаг. Я могла бы честно обо всем рассказать, но не стала. Пусть думают что угодно, вплоть до любви к историку. Мне все равно. Папа спросил: «Тебе не стыдно?» Мама ему вторила: «Не могу поверить, что наша дочь троечница».

Допустим, у меня тройка только по истории, по другим предметам четверки и пятерки, причем пятерки преобладают. Но разве родителей этим утетишь: их дочь обязана быть лучшей из лучших. Так они вопрос не ставят, то понятно и без слов.

Поединки с историком порядком мне надоели. По ночам мне снились кошмары с участием известных политических вождей и полководцев. Я осунулась и подурнела. Но мало обращала внимания на свою внешность, позабыв об усвоенном уроке в детстве. Приближался час «икс», и я это чувствовала, потому как рано или поздно любой битве приходит конец. В крайнем случае – конфликт затухает для небольшой передышки. Передышка мне была крайне необходима, чтобы осмыслить новую тактику.

Как-то я сидела на уроке истории, смотрела на учителя, вещающего новый материал, и представляла: сейчас в класс зайдут фашисты и расстреляют его из фашистского автомата. Автоматная очередь прошьет историка. Он, смертельно раненый, обратит на меня свой угасающий взор и скажет: «Прости меня, Майя». Или так: «Простите меня, Майя Афанасьевна». К своим любимчикам историк обращался на «вы» и, шутя, называл по имени и отчеству. Подобной «награды» удостаивался не каждый.

Со дня моего мстительного воображения прошло несколько дней. На улице резко потеплело, наконец, в середине октября наступило запоздалое бабье лето. Жители города спешили насладиться последними погожими деньками перед долгими холодами. В воздухе витали упоительные осенние ароматы, с грохотом на асфальт падали блестящие каштаны, желтые листья вальяжно планировали и красиво укладывались на земле. Всё вальяжно, степенно, сказочно-необыкновенно.

И вдруг среди осенней благодати прозвучала невероятная новость, мигом облетевшая весь город: в центральной части милиция окружила вооруженную преступную банду. За этой бандой, совершавшей налеты на ювелирные магазины города, правоохранные органы охотились несколько месяцев. Банда вела себя нагло, легко уходила от преследования. И вдруг удача: бандиты попали в ловко расставленные сети.

Естественно, любопытные горожане потянулись к месту оцепления, пренебрегая безопасностью. Позже из городских новостей стало известно, что грабителей задержали на месте преступления. Они отстреливались, но никому из них не удалось уйти. В результате операции погибли два сотрудника правопорядка и местный житель, один из преступников получил легкое ранение. Местным жителем оказался... кто бы вы думали? Увы, мой злейший враг - учитель истории. Невероятным образом он оказался на месте операции и, пренебрегая указаниями, покинул книжный магазин, расположенный на одной улице с ювелирным. Оказался на линии огня, был смертельно ранен.

Я уговаривала себя: он сам виноват, сам нарвался на пулю, думать надо было, прежде чем высовываться...

Но в глубине души понимала – на мне лежит косвенная вина в гибели историка.

Из случившегося я сделала два вывода: 1. Я ненавижу и всегда буду ненавидеть историю. 2. Я никогда не стану разбрасываться негативными пожеланиями - пространными, мысленными, необдуманно, сгоряча, от обиды, - в чьей-либо адрес. Во избежание плачевных последствий! Потому как, слово-воробей вылетит и... лови его потом.

Вывод выводом, но... жизнь есть жизнь. В жизни разное происходит.

Изредка я себе напоминаю о данном обещании, и будто бы память меня не подводит, однако контролировать эмоции удается не всегда...

На первом курсе института физику нам преподавал странный мужик – с виду вполне нормальный, но зануда страшная. Знающие люди говорили, что у него было три брака, которые закончились очень быстро. Вероятно, по причине страшного занудства. Мужик быстро сориентировался и возненавидел весь женский пол, особенно выделяя для своей мести симпатичных девушек, имевших успех у противоположного пола. К таковым относилась и я. Мои рыжие кудри и зеленые глаза, плюс пристрастное, но без фанатизма, отношение к своей внешности делали свое дело. Парни ухаживали за мной наперебой. Я общалась со всеми по-дружески, особо никого не выделяла, наверное, из-за отсутствия высокого чувства к кому-то одному, да и свободного времени катастрофически не хватало: я много времени уделяла учебе, чтобы родители могли мною гордиться. В самую первую в студенческой жизни зимнюю сессию мы, ошалевшие от переживаний, студенты-первогодки сдавали четыре экзамена. Три первых я сдала на «отлично», хотя, волновалась бешено, едва не теряла сознание, но сумела собраться, задвинуть на второй план ненужные зашкаливающие эмоции, хотя и с большим трудом: все-таки серьезное испытание для новичка. Это после я освоилась, если ни сказать - обнаглела – и шпаргалками пользовалась, и с преподавателем могла наладить контакт - знала, на какой козе к кому подъезжать: у кого на экзамене можно списывать, у кого – нет. А если нет, то рассчитывай на себя, на свою подготовку в виде зубрежа и на ум, пусть не гениальный, но тоже ничего, выше среднего.

Я заранее знала, что со сдачей экзамена по физике у меня возникнут проблемы. Ну, вы помните старый советский анекдот. Если не помните, то я освежу память.

Прием в институт по блату. Экзаменатор у абитуриента: вы помните, что Великая Отечественная война была с 1941 по 1945 годы?.. Прием в институт без предвзятости. Экзаменатор у абитуриента: с какого по какой год была Великая Отечественная война?.. И теперь пример вопросов без всякого блата: повторение предыдущего вопроса «без предвзятости», затем вопрос про количество погибших, а в заключении, что называется, вопрос на засыпку:

перечислите всех погибших поименно... Показательно: если преподаватель захочет завалить студента на экзамене, он сделает это без проблем.

Именно этот анекдот пришел мне на ум в ночь перед экзаменом по физике. Не надо говорить, что ночь выдалась бессонной, полной тревоги и противоречивых чувств. Ближе к четырем я устала бродить лунатиком по квартире или крутиться бешеным песиком на кровати. Хорошенько проветрила комнату, замерзла, закрыла форточку, закуталась в одеяло, разомлела и почувствовала мягкое приближение сладкого сна, увы, недолгого. Уже опускаясь в яму сна, в мою голову проникла мысль, не поддающаяся пониманию: а как было бы прекрасно-великолепно, если бы экзамен принимал кто-то другой. Но разве подобное возможно? – мысленно запротиворечила я себе и быстро нашла ответ, - конечно возможно, если... с преподавателем, с этим занудой из зануд, не выносившего симпатичных девчонок, потенциальных невест, случится что-то нехорошее, к примеру, ему на голову упадет кирпичик. Небольшой кирпичик возьми и брякни на голову, без смертельно исхода, естественно, но чувствительно, чтобы оказаться на больничной койке. И в результате несчастного случая, следуя спортивному сленгу, в команде экзаменаторов произойдет замена. Ура, товарищи студенты! Свершилось!

Вот признайтесь, кто в сердцах не желал своему недоброжелателю нечто подобного - чтобы ему на башку приземлился кирпичик?! Но это не значит, что по городу летают кирпичи и падают на грешные головы горожан!

Но речь не о летающих кирпичах.

Наш одинокий профессор жил неподалеку от своего места работы, от нашего вуза, поэтому всегда ходил на работу пешком. Его путь лежал мимо спортивной площадки, которую в зимнюю пору любители клюшки-шайбы-коньков превращали в ледовый каток. На катке резвилась неумелая малышня с умелыми родителями, но только в то время, когда каток был свободен от любимой игры – игры в хоккей. Хоккеем увлекались студенты из двух студенческих общежитий, расположенных неподалеку. Площадку огораживал забор из сетки-рабицы, выкрашенной в травяной цвет. Все ж таки защита от летящей шайбы – в зимнюю пору, от футбольного мяча – в летнюю.

Но не в тот роковой день.

Невероятным образом шайба пулей вылетела за границы ледового поля, перескочив защиту травяного цвета и точнехонько угодила в голову «всеми любимого» профессора. Игроки потом клятвенно заверяли, что все вышло совершенно случайно, и я склонна им верить. И не потому что они добрые-предобрые, а потому что игроки в хоккей из них, что из меня прима-балерина Большого театра: захотели бы, не попали. В общем, угодила шайба в голову мужчины, настроенного по-боевому перед экзаменом, если конкретнее – попала ему в лоб, миновав защиту в виде меховой шапки из натурального меха – мода в ту пору такая была. В итоге мужчина получил черепно-мозговую травму, на экзамен не явился – что и понятно, временно обосновался в больничке, пришлось срочно искать ему замену. Надо признать, неравноценную, но ооочень нам подходящую: экзамен принимал тщедушный старичок-профессор с былыми заслугами, который с удовольствием беседовал на отвлеченные темы, далекие от физики. Прежде чем поставить в зачетке оценку, спрашивал у студента, устроит ли его оценка «хорошо». Кто требовал «отлично», еще минут пять выслушивал профессорский монолог на тему «вот в наше время», в итоге получал «отлично» и, размахивая зачеткой, покидал аудиторию. Я была в числе счастливиц, хотя, поначалу решила согласиться на оценку «хорошо», чтобы не прозевать момент профессорского благодушия: вдруг его на ком-то переклинит, или он вспомнит о своих обязанностях. В общем, повезло так повезло. Чего не скажешь о пострадавшем зануде.

Однако вернемся ненадолго к нему. Конечно, я не забыла о своем пожелании с участием летающего кирпича. И ничуть не удивилась новости о черепно-мозговой травме и последующей госпитализации, включая подробности происшествия. И как я отреагировала? Просто удивительно я отреагировала: «Не фиг по полю шататься без дела». Был такой стишок из области «черного» юмора: парень с гитарой по полю ходил, случайно на мину он угодил. Долго гитара стонала и пела: не фиг по полю шататься без дела.

Неужели я черствая и бессердечная? Я сердечная и мягкая... Если меня не терроризировать без причины. И я не виновата, что мои посылы, к счастью редкие, неожиданно сбываются.

Я дала себе очередное обещание: буду держать в узде свои пожелания оппонентам...

Шли годы... Похоже на начало очередной главы сентиментального романа... Да-да, шли годы. Я встретила своего мужчину и вышла за него замуж. К тому времени мне стукнуло тридцать. Засиделась в девицах, слишком много кавалеров вертелось вокруг, слишком долго я выбирала, к тому времени кавалеры устали меня добиваться и перекинулись на других, менее разборчивых. Я нисколько не сожалела об очередной упущенной возможности выскочить замуж, ждала большого и светлого Чувства, нисколько не сомневаясь, что оно, Чувство, придет - нечаянно нагрянет, когда его совсем не ждешь, как пелось в одной песенке.

Я фаталист, верю в судьбу. Раз суждено, то всё будет, если нет, то так тому и быть.

День знакомства с будущим мужем я запомнила на всю жизнь. Мы ехали в поезде в одном купе. Он вышел раньше, но оставил мне свою визитную карточку с номером телефона. Спустя месяц я со всей ответственностью осознала, что мой случайный попутчик нагло вклинился в мое спящее сердце, находящееся в режиме ожидания, и крепко в нем обосновался. Режим ожидания был выключен, сердце дало толчок мозгу, мозг оживился и дал подсказку: ты, девица, влюблена! В кого? В случайного попутчика, от которого на память осталась визитка с номером телефона. Я испугалась – вдруг выбросила или куда-то засунула, не думая о последствиях. С моим отношением к попутчику я не сразу определилась, могла выбросить за ненужностью.

В общем, я неожиданно осознала, что полюбила этого человека, несмотря на то, что мы провели вместе всего несколько часов. Я ничего о нем толком не знала, потому что не предполагала, что он заинтересует меня до такой степени. Не забрасывала его вопросами личного характера, мы беседовали на отвлеченные темы. Вдруг он женат? С женатиками я не встречаюсь. Это моя твердая позиция. На чужое счастье, как на чужой каравай... На чужом горе, счастье не построишь... И все в таком духе...

Я долго готовилась, репетировала речь, потом разозлилась – почему он мне не звонит? – потом до меня дошло, что у него нет номера моего телефона, получается, у нас односторонняя связь, поэтому инициатива должна исходить от меня, раз я по уши втюрилась. Однако не бросилась звонить, для начала решила обдумать свое теперешнее «проснувшееся» состояние. Неужели всё

так и есть – я влюбилась? Возможно ли подобное со мной? Или мне только кажется? Я себе придумала от скуки?

Я плохо помню его лицо, вижу будто в туманной дымке. Но мысленно представляя его, чувствую, как... как сердцу тревожно в груди, как пелось в одной патриотической песне.

Значит так, - решила я, - если я о нем постоянно думаю, пусть и с небольшими перерывами, если моему сердцу тревожно при воспоминании о нем, если по ночам меня одолевают сны с его непосредственным участием, если со стороны я выгляжу городской сумасшедшей, о чем свидетельствуют вопросы близких, то можно сделать вывод, простой и благотворно влияющий на мой беспокойный организм - надо звонить, потому как иначе как любовью мое придурочное состояние не назовешь.

И я позвонила. Он долго не отвечал. Гудки выли мне в ухо, призывая разом покончить с инициативой, которая не будет оценена по достоинству противоположной стороной, позабывшей имя навязчивой особы «из поезда». В последнюю минуту он ответил, а мне захотелось бросить трубку – слишком недовольным был его голос. Но я себя успокоила – он не знает, кто ему звонит. Я назвала себя. Потом проямлила: помните, мы с вами вместе в поезде ехали. Ничего умнее не нашла, да и ничего другого и нет – только поезд и общее купе.

- Майя! – воскликнул он, - как хорошо, что вы позвонили! Я успел отчаяться! Хотел ехать в ваш родной город и искать вас. – И опять, - какое счастье, что вы позвонили! Я рад! Я безумно рад!

- Ехать в мой город? - тупо повторила я, хотя обязана была сконцентрироваться на его радостях. А все мое недоверие или низкая самооценка. Получается, я могла в него влюбиться, а он – нет. Подумаешь, каких-то несколько часов болтовни ни о чем.

- Да-да, ехать к вам, - поддакнул он.

- Но кроме моего имени, вы ничего обо мне не знаете, - неожиданно насупилась я, как будто мне уже предложили руку и сердце, и никто иной предложил, как враг нашей семьи, с которым у меня ничего не может быть общего. Или не враг, а человек, к которому я испытываю тайную неприязнь, открытую испытывать не могу, так как сильно от него завишу. И теперь судорожно ищу повод уйти от ответа без серьезных для меня последствий.

- Я бы нашел, не сомневайтесь: таких необыкновенных женщин больше нет! - чарующим голосом проворковал мужчина, но мне показалось, что он слегка раздосадован. Видимо, успел засомневаться в моем нормальном головном кровообращении: кровь плохо циркулирует в сосудах, отсюда отвратительная сообразительность, если ни сказать – тугодумие, чего он не успел рассмотреть при первой встрече. И последней, если дело так и дальше пойдет.

Я не позволила углубиться в тему рысканий по моему родному городу, взяла быка за рога и спросила в лоб: женат ли он.

Гордей Яковлевич Тарасенко, тридцати пяти лет отроду, был прежде женат, но уже четыре года как находится в разводе. Детей нет.

Так и сказал, как чечетку отбил. Без всяких лишних слов, чтобы дошло даже до личностей с плохой сообразительностью. Я зарделась как маков цвет, как будто он предложил бухнуть с ним в койку. И выпалила:

- И я свободна как ветер. – И голос при этом был как у Мальвининого поклонника Пьеро: занудный и полуплачущий, словно меня осудили на двадцать пять лет без права переписки и редких встреч с близкими, но я всеми силами стараюсь не выказывать своего печального настроения.

Гордей в тот день тоже умом не блистал, употреблял в основном слова «рад» и «безумно рад». Но как-то мы смогли договориться о встрече.

В ближайшие выходные он прискакал ко мне, в смысле прибыл на поезде. Мы провели вместе два чудесных дня. Незабываемых дня. Я боялась разочароваться в нем, боялась разочаровать его, потом расслабилась и поплыла по течению любви и полного взаимопонимания. Вечером воскресенья он уехал. На следующие выходные я отправилась к нему с ответным визитом, в тайне боясь узнать о нем что-то новое, вразрез идущее с прежним узнаванием. Я ждала какого подвоха от него, от судьбы, и... не дождалась, на свое счастье.

Гордей сделал мне предложение, я, не раздумывая, дала согласие. Через два месяца мы расписались без всяких пышных торжеств. Через год у нас родился сын, которого назвали Артемом.

Когда Темке исполнилось четыре года, а его отцу соответственно – сорок лет, наш дорогой и горячо любимый муж и отец в одном лице заявил, что полюбил другую женщину, обманывать меня посчитал нечестным, поэтому не стал с

ней прятаться по углам, решил поставить меня в известность и теперь с чистой совестью может уйти. Ха! С чистой совестью! Видали?!

Когда женщина утверждает, что измена супруга для нее «как снег на голову», не верьте. Любящая жена сразу чувствует, что с ее мужем что-то происходит. Я – не исключение. Так что к его сногшибательной новости я была готова, чего уж скрывать. И не готова одновременно: надеялась, одумается, его интрижка на стороне всего лишь случайность, временное умопомрачение. Не случайность и не временное умопомрачение. Всё серьезно. И больно. Надежда была, надежда рухнула как старый дом с заложенной в него взрывчаткой.

Кровь прилила к моей голове, захотелось устроить скандал-фейерверк, но я мгновенно сдулась, кровь отхлынула от головы, слабость обернула меня сиротливым покрывалом. Я закрыла глаза, потом открыла и увидела перед собой чужого человека. Человека, который любит другую чужую женщину, незнакомую мне, но что удивительно, этот человек был и остается отцом моего единственного ребенка. Моего Темки. Как так вышло?!

Ни к чему скандалить с этим мужчиной, хотя, возможность была – Артем гостил у моих родителей. Чтобы чем-то себя занять, а не изучать незнакомца с безумной предвзятостью, я отправилась в кладовку, где стоял в ожидании летнего отпуска чемодан. Деловито собрала в него мужские вещи, докатила чемодан до входной двери и, не глядя на мужчину, высказалась:

- В добрый путь!

За все время сборов я не удостоила его своим вниманием, несмотря на то, что он постоянно крутился под ногами. Никаких действий не предпринимал, словами не забрасывал, как порыв ветра жухлой листвой, просто метался туда-сюда и явно ждал от меня каких-то слов. После моего выразительного пожелания, ему пришлось спешно одеться и напоследок печально вздохнуть, дав понять, что вина полностью лежит на мне. А чего он, собственно, хотел? Уговоров-лобызаний? Криков «вернись, я все прощу»? Встречи на ринге двух боксеров разной весовой категории? Зная мой взрывной характер, мой темперамент, он пребывал в разочаровании. По моему разумению, он должен быть рад подобного исходу. Разошлись тихо-гладко, без мордобоя и ругани.

Стоя в дверном проеме он обернулся и бросил на меня взгляд полный то ли презренного равнодушия, то ли удивленного непонимания – как он жил столько лет с такой амебой?! Что позволило мне мысленно его напутствовать: «Желаю счастья с новой женой, импотент!»

Через два месяца молодая возлюбленная, уставшая верить в чудо, вернула Гордея мне, не спросив, нуждаюсь ли я в нем. Артем встретил отца «из командировки» с восторгом, я - сдержанно. Мы уложили сына спать и долго разговаривали на кухне. Гордей каялся, уверял меня в любви, утверждал, что без меня и без сына не смыслит жизни.

Но я-то знала истинную причину. Не стала противиться поцелуям с далеко идущими последствиями. Муж был счастлив. Не удержался от признаний: только со мной он чувствует себя мужчиной.

На следующий день я собрала вещи и вернулась с сыном к родителям. К тому времени мы с мужем уже были разведены, нас связывал только общий ребенок. Бывший муж был взбешен «моей выходкой». Досаждал телефонными звонками, «начинал за здравие, заканчивал за упокой»: сначала молил о прощении, потом высказывал свои претензии. Я не вслушивалась в его монолог и не бросала трубку, потому что знала, он будет звонить еще.

Но потом очнулась: с какой стати я веду себя как безропотное существо?! В очередной раз я твердо заявила:

- Гордей, я не прощаю предательства, а ты меня предал. Ты заставил меня лгать нашему сыну. Разве не ты сказал, чтобы я пока не говорила четырехлетнему ребенку о расставании? Пока... Ты не решил, приживешься ли у своей пассии. Если нет, то как ни в чем ни бывало вернешься домой «из длительной командировки». Обо мне речь не идет – я обязана принять тебя назад, прильнуть на радостях к груди и окропить грудь слезами счастья. Жаль, что за пять прожитых лет ты меня так и не узнал. Прощай. И не звони мне больше.

На этот раз я сказала Артему правду:

- Мы больше не будем жить с твоим папой, но это не значит, что он перестал быть тебе отцом.

Первое время Гордей часто забирал сына к себе, потом стал приходить все реже и реже. Однажды приехал и вручил крупную сумму денег со словами:

- Купи себе отдельное жилье, нельзя трем поколениям жить в одной квартире.

Я догадывалась, что последует далее. И не ошиблась. Гордей хотел забыть о существовании сына – откупился от алиментов. За сына мне было очень обидно, но я посчитала ненужным портить жизнь его отцу – проводила его без всяких мыслей и посылов. Теперь у нас с сыном своя жизнь, раз я верю в судьбу, то надеюсь, пройдет и на нашей улице Счастье.

Годы пролетали незаметно, ничего выдающегося в моей жизни не происходило. Наверное, я сильно любила Гордея, своего первого мужа, поэтому постоянно сравнивала с ним своих поклонников, которых, скажем честно, было не так уж много. Положа руку на сердце, в первую очередь я искала отца для своего сына, во вторую – мужа для себя. Возможно, в этом была моя ошибка. Но я не жалею о том, что не встретила свою половину, свое счастье, я же фаталист: если судьбой предназначено быть счастливой, я ею буду. Пока довольствуюсь тем, что имею. В фатализме есть свои плюсы – если всё идет не так, как хочется, можно обвинять судьбу-злодейку, но ни в коем случае ни себя. И пусть мне сорок четыре, но не девяносто, в конце концов. Хотя, и в девяносто случаются события, резко меняющие жизнь в лучшую сторону. Не обязательно речь идет о новой встрече, всё гораздо надежнее, что ли: я имею в виду те счастливые моменты, когда старички заслуженно получают новое жилье взамен старой развалюшки. Для них это событие – неожиданное и очень ожидаемое счастье.

Можно радоваться мелочам, можно принимать как должное. Я радуюсь мелочам, тревожусь по поводу своих близких, сына и родителей. Сын не доставляет мне никаких проблем, несмотря на переходный возраст. Артем хорошо учится, занимается спортом, волейболом, играет за юношескую команду нашего города. Вот родители – другое дело. Со здоровьем у них еще более-менее, но есть люди, которые всеми силами пытаются подпортить им жизнь, впрочем, как и мне, раз я всегда стою за родителей горой.

Речь идет о соседе по даче, злобном мужике, который незаслуженно считает, что мои родители оттяпали у него двадцать сантиметров земли. Все бы ничего, но он измучил нас судебными тяжбами. То суд выносит решение в нашу пользу, и забор между участками остается на месте, потом – не в нашу, и по постановлению нашего самого гуманного суда в мире забор решено передвинуть на двадцать сантиметров. Я бы с удовольствием двинула соседу

в ухо, как в детском саду зловредному пацану, облившему меня супом, но возраст и все такое. Родители готовы исполнить решение суда, чтобы забыть обо всех разбирательствах, но я, из принципа, не сдаюсь, подаю и подаю встречные иски. С чего вдруг мы станем передвигать забор, если он стоит на этом месте испокон века. Видите ли, раньше соседа все устраивало, а теперь решил оттяпать кусок чужой земли. От скуки мается. Так считает моя добросердечная мама и с жалостью объясняет, что он вдовец, что дети о нем забыли.

И кто в этом виноват?! Не он ли сам? И супругу в гроб загнал своими придирками, и детей замучил нытьем. Если ему скучно, пусть найдет себе другое развлечение, лично для себя, чтобы не трогать порядочных людей с зашкаливающим терпением.

Как говорил герой Папанова в известной кинокомедии: «Так и хочется дать тебе коленом под зад!» Вот и мне – хочется и побольнее.

Честно говоря, я сама устала от этого злобного пенсионера, готова пойти на уступки, и вымахать забор до небес, чтобы не видеть-не слышать соседа, но уверена, он не ограничится дележом территории, найдет очередной повод напомнить о себе.

Ему, видите ли, и скучно, и грустно, и некому руку подать... Прямо, как у Лермонтова Михаила Юрьевича. И далее по тексту: ... в минуту душевной невзгоды. Желанье!.. что пользы напрасно и вечно желать? А годы проходят – все лучшие годы...

Что-то мне взгрустнулось.

Кстати о желаньях-пожеланьях... Нет, не стану я ничего ему мысленно желать, чтобы слово-воробей не вылетело и не... В общем, вы сами все знаете.

Но хочется, ой как хочется. Чтобы не видеть его и не слышать.

Пусть здравствует, но тихо-мирно.

Ага, тихо-мирно, как бы не так: с самого субботнего утра выносит мозг не только родителям, но и мне. Мы с сыном нагрянули на дачу накануне. Приехали на электричке, моя машина находится в автосервисе.

Наступило долгожданное лето. Теперь Темка будет жить на даче вместе с бабушкой и дедушкой, которых он обожает. А они обожают своего единственного и неповторимого внука. У Темки здесь много друзей, таких же

летних дачников, вместе они ходят на пруд, вместе придумывают развлечения. В общем, пока мы обходимся без уговоров – на дачу, значит, на дачу. Я приезжаю почти каждые выходные, если не случается форс-мажор на работе.

Какой погожий день начала июня! Живи и наслаждайся, так нет - сосед повис на заборе, долдонит и долдонит, долдонит и долдонит об одном и том же, причем не забывает постоянно вставлять свою излюбленную фразу - «согласно букве закона». Фраза идет у него как запятая.

Я нежилась в кровати. Наслаждению отчаянно мешал монолог, подобный заезженной пластинке, доносившийся через распахнутое окно. В итоге не выдержала, высказалась про себя: «Что б тебе твоя приверженность букве закона боком вышла!»

А как не высказаться в сердцах если наболело!

Отец о чем-то тихо переговорил с соседом, видимо, дал клятвенное обещание, что совсем скоро рабочие займутся переносом забора на двадцать сантиметров. Сосед хотел что-то выпалить нервическо-вредное, но тут на пороге дома нарисовалась я, встала в позе сахарницы, и соседа тотчас ветром сдуло.

- Он тебя боится, - усмехнулась мама, накрывая в беседке стол к завтраку.

- Боялся бы, давно оставил нас в покое.

- А может быть он в тебя влюбился, - брякнул подошедший к нам глава семейства. – Нашел своеобразный повод для...

- Заигрывания, - поспешно вставила мама и с опаской покосилась на меня.

Мне показалась, что данную тему они уже обсуждали между собой. Я задохнулась от возмущения, удержала при себе эмоциональные высказывания, только промямлила, вспомнив старый анекдот:

- Я столько не выпью.

После завтрака я занялась мытьем окон, Артемка с отцом возились со стареньким автомобилем, который постоянно ломался в виду уважаемого возраста, но отец наотрез отказывался с ним расставаться. Говорил, что на этой машине будут ездить его правнуки. На что Артем никак не реагировал.

Мама занималась делами на кухне и что-то напевала. Общение с соседом никак не повлияло ни на ее настроение, ни на настроение отца. Я, напротив, была выбита из колеи. По большей части осмысливала мысленный посыл «влюбленному» соседу, применяла к нему различные преступления, за которые он может угодить за решетку. Даже додумалась до того, что он убил собственную жену, хотя, всем было известно, что тетя Маша долго болела и в итоге скончалась. Тетя Маша была доброй и тихой женщиной. Жаль ее, она была совсем не старой.

Мне вспомнилось прошлое, когда наш сосед, которого я в ту пору называла по-родственному дядей Женей, был человечным человеком. Это после всех разбирательств дядя Женя превратился в гражданина Винихина, а потом – в Гада. Так с моей легкой руки мы его называли между собой. Но в устах родителей Гад звучало незлобно, даже с долей любезности.

Я вообще к Винихину никак не обращалась, а родители по-прежнему в разговоре называли его по имени и отчеству, Евгений Михайлович. Говорю же – добрые интеллигентные всепрощающие люди. По доброте душевной можно вообще лишиться куска земли, законно выделенной государством заслуженным работникам химической промышленности.

Винихин работал с родителями на одном заводе. Евгений Михайлович был председателем профсоюзного комитета. Как-то выбил мне путевку в пионерский лагерь на Черноморское побережье, что было большой редкостью: в основном дети отдыхали в заводском летнем лагере, расположенном на реке, на базе отдыха. На выходные детей возвращали родителям.

В свое время Винихин делал много добрых дел работникам завода, но выходки последнего времени перечеркнули все прежние заслуги. Цеплялся он не только к моим родителям, но и к другим бывшим коллегам. В общем, подменили человека: был дядей Женей стал Гадом.

За воспоминаниями я не заметила, как перемыла все окна в доме. Мама позвала нас обедать.

Когда мы ели вкуснейшую окрошку, возле соседского дома остановился полицейский автомобиль. Из него вышли двое мужчин в форме и молодая женщина в «партикулярном платье». Возле калитки появилась фигура

хозяина, того самого Гада, некогда звавшегося дядей Женей. Женщина что-то сказала, хозяин распахнул калитку и пригласил гостей в дом.

- Что он опять задумал? – спросила мама без всякого напряжения в голосе, как будто спрашивала у нас, кто хочет добавки.

- Может, приехали по его душу, - обронила я и ожесточенно откусила от горбушки хлеба.

- Допрыгался, - выдохнул мой сын.

- Зайчик, - добавила я с набитым ртом.

- Он несчастный человек, одинокий, - привычно сжалился отец.

- Вампир он, а не человек, чужой кровью питается, - неожиданно развеселилась я. И как не веселится, если мой посыл начал сбываться, причем слишком быстро - прошло всего несколько часов. Еще бы узнать, зачем нагрянули к нему сотрудники полиции.

Пока я выдвигала предположения, не забывая сверлить взглядом соседний дом, из которого пока никто не появился, домочадцы разошлись кто куда. Я не интересовалась, куда все подевались, решала сложную задачу - зачем к Винихину приехали полицейские?

От сосредоточенной работы мысли меня отвлек звук упавшего табурета. От неожиданности я вздрогнула. Оказалось, вернулся мой сын, он попытался взгромоздиться на табурет, но промахнулся и едва не свалился, вовремя зацепившись пальцами за столешницу. Я выразительно на него посмотрела, он зачем-то приложил указательный палец к губам, затем подхватил табурет, удачно приземлился на него, придвинулся ко мне, хотел что-то сообщить, но сначала поводит головой, озирая окрестности, не претерпевшие визуальных изменений, и наконец решился:

- А я знаю, зачем к Гаду нагрянули полицейские. – Заявление не скрывало торжества.

- Сорока на хвосте принесла, - с неудовольствием заметила я.

- Я через лаз в заборе проник на его территорию, - Темка дернул головой в сторону соседнего участка, - подкрался к дому и подслушал разговор – окно было открыто.

- Подслушивать нехорошо, - провела я короткую воспитательную работу, не желая отрываться от своих умных мыслей и никак не вникая в то, что мне сообщил сын.

- Mam, ты меня слышишь?

- Слышу, слышу, ну, заяц, погоди, - автоматически продекламовала я, накручивая на палец локон рыжих волос.

- Сами вы... заяц, Майя Афанасьевна, - пробурчал юноша и выпятил губы, выказав неудовольствие. Не уловив ответной реакции, слово в слово повторил прежде сказанное – про подслушанный разговор, то для собственного удовлетворения, то для возвращения мать в действительность.

Я снова не отреагировала, тогда он чувствительно постучал скрученным указательным пальцем по моей голове.

- Щас тоже постучу, у меня не заржавеет, - предупредила я с задумчивым видом.

- Mam! – рявкнул сын, уставший от нашептывания и повторений.

- Я – мама, дальше что?

Мой осмысленный взгляд успокоил сына: наконец, я его слышу, воспринимаю информацию. Поэтому он терпеливо в третий раз рассказал о своей вылазке на вражескую территорию.

- И что ты услышал? – подобралась я.

- Речь шла о каких-то стульях, - заговорщицки сообщил Артем. – Прямо по Ильфу и Петрову: стулья из дворца и другие «мебели» мастера Гамбса.

- Что именно они обсуждали?

- Mam, ты глуховатая или плохо соображаешь? Они говорили о каких-то стульях, - сквозь зубы процедил возмущенный сын, не возжелав повышать голос.

- Щас как дам больно за такое обращение со старшими, - не осталась я в долгу.

Артем возмущенно попыхтел, как уставший паровоз, и заговорил, делая паузы между словами:

- Начало разговора я не слышал, я вообще недолго просидел под окном, потому что в комнате нервно заходили, я перепугался, что кто-то выйдет на крыльцо, а тут я такой весь... шпионский... сижу в засаде.
- Хотя бы повтори то, что успел подслушать, - попросила я заискивающе, кося глазом на соседний двор.
- Полицейские интересовались стульями... Какими, не знаю. Вот только Гад сказал, что нет у него никаких стульев...
- Нет и не было? – уточнила я на всякий случай.
- Вот и полицейские так сформулировали вопрос, а Гад отвечает, мол, не было. А полицейские ему: у нас другая информация. Тогда Гад примолк, видимо вспоминал...
- Или понял, что финтить нет смысла, - вставила я.
- Наверное, - кивнул мой повзрослевший ребенок, - в общем, подумал и говорит, позабыл я, потому что старый стал, память ни к черту. Когда вы напомнили, в голове все встало на свои места. Поэтому я со всей прямоотой скажу, потому как согласно букве закона...
- Тема, я тебя умоляю – не повторяй эту бредятину.
- Ладно, не буду, перейду сразу к сути. Значит, вспомнил он, что стулья у него были, но давно поломались, поэтому он их сжег. Или выбросил на помойку. Точнее не помнит. Но, скорее всего, сжег. Когда баню топил.
- Что еще удалось... узнать?
- Мне показалось, что полиция ни к первому к нему пришла. Я Гада имею в виду. Предполагаю, что стульев было много, точную цифру не скажу, и они, стулья, разошлись по рукам. И вот недавно какой-то вор стал проникать в квартиры владельцев стульев и похищать те самые стулья.
- Да, Ильф с Петровым отдыхают. Спрашивается, зачем полицейским заниматься всякой чепухой? Больше заняться нечем, что ли? Со всеми преступлениями в городе и прилегающих окрестностях разобрались, и давай искать всякую рухлядь, чтобы создать впечатление полной загруженности, преследуя очевидную цель - не попасть под сокращение.
- Скажешь тоже – рухлядь, - хмыкнул Тема, воззрившись на меня в полном непонимании. Выдержал многозначительную паузу, удивленно вскинул

белесые брови и спросил, - ты на самом деле так считаешь или шулки шутишь?

- Просто рассуждаю вслух. Но умные идеи меня не посещают... Не считая одной, - поспешно добавила я.

- Ты подумала о том же, о чем и я? Про «стулья из дворца?» Или про ореховые стулья фабрики Гамбса из гарнитура генеральши Поповой?

- Начитанный ты мой! – восхитилась я и взлохматила ему волосы.

Сын нахмурился, отпрянул и пригладил непослушную рыжую шевелюру. После чего сложил локти на столе и принялся сверлить задумчивым взглядом цветочки на клеенке. Даже приложился к клеенке указательным пальцем и проследовал по узору.

От нечего делать я взялась на баранку, засунула ее в рот и ожесточенно сгрызла. Только протянула руку за второй, как заговорил сын.

- Сама подумай – если стулья ничего из себя не представляют, никакой ни раритет, то зачем они понадобились человеку, который нарушает законы Российской Федерации, без зазрения совести проникая на чужую территорию, - с умным видом высказался он, тайно желая заняться расследованием загадочных преступлений.

- А я тебе скажу, почему он так поступает, - заулыбалась я. - Потому что у него не все дома, - сообщила я и покрутила пальцем у виска.

- Ты сама в это веришь?

- Не знаю, - подумав, ответила я.

В это время из соседского дома показалась приехавшая троица, за ними вышел притихший хозяин. Женщина о чем-то его спросила, он подпрыгнул на месте от возмущения и поскакал к сараю. Распахнул дверь сарая и грозно предложил обыскать сарай, если ему, честному и порядочному человеку, не верят.

- В следующий раз не ограничимся одной беседой, придем к вам с постановлением на обыск! - повысив голос, брякнула женщина.

Она стояла к нам спиной, поэтому мы не видели ее лица. Гад был в более выгодном положении – выражение лица дамы в «партикулярном платье»

дало легко читаемый намек, что лучше бы ему помолчать. В связи с чем хозяин тотчас сник, растеряв боевой настрой.

- Чтобы не нарушать букву закона, - тут же продолжил мой сын и тихо хихикнул. Я не сдержалась и тоже хихикнула.

Полицейские уехали, хозяин затаился в доме.

- Что за стулья такие, кому они понадобились, - пробормотала я задумчиво. – А если Гаду? Он залезал в чужие дома и выносил стулья. У него тоже было некоторое количество стульев «из гарнитура», но чем-то они его не устроили. Или он попросту сбрендил. Судя по его недавним действиям - судя по его направленной борьбе за сантиметры земли, завладевшей его умом, ничего другого в голову не приходит. Фанатизм любого рода это вам... не хухры-мухры, это идея фикс с вытекающими последствиями.

Мой отпрыск пылливо изучал мое лицо, вдохновленное неординарными умозаключениями. Вероятно, выводы он счел самыми заурядными, не загроможденными тайными и всевозможными пугалками, от которых должна стынуть кровь в жилах. Отпрыск осуждающе покачал головой, хмуро взирая на соседний дом, завладевший его вниманием и обязанный дать толчок к дальнейшим рассуждениям, вырвавшемся, что и понятно, из его уст, а никак не из уст рассудительной мамыши, безбашенной без приставки «без»: слова «башенная» не бывает, если только речь не идет о башенном кране. По версии молодого поколения в данном случае надо говорить о чем-то ином, загадочном и таинственном, осуждаемом людьми моего возраста – людьми приземленными, «башенными». О чем я думаю в настоящий момент?! Я думаю о своем сыне, желаю отгородить его от опасных действий, которые неминуемо последуют после рассуждений за гранью разумного. Только и всего, но это чрезвычайно важно для меня.

Только я собралась свернуть с опасной темы, как вмешался Артем, уставший держать в себе гениальную мысль, которая подобно порыву на водоводе вот-вот обязана вырваться наружу бойким фонтаном.

- В стульях спрятаны драгоценности! - выпалил он, испугался собственного громкого голоса и клацнул зубами.

- Кто о чем, а вшивый о бане, - брякнула я.

- Сразу вшивый, разу баня, - пролепетал Темка, сопя так, как будто он успел скорым шагом подняться на семнадцатый этаж без лифта.

- Не надо сочинять того, чего нет, это только в романах ценности прячут в старинных стульях, - неуверенно произнесла я, пребывая в сомнениях касательно своего неубедительного заявления.

Сын знал меня как облупленную, потому лихо «вскочил на своего пока еще не объезженного конька».

- Мам, я тебе точно говорю – в стульях спрятаны какие-то ценности! Что же еще?! Если нет, то кому они нужны? Ты сама говорила: старье, рухлядь.

- Не кричи, тебя слышно по всему садовому товариществу, - осадила я его, хотя, сын не повышал голоса, напротив, со стороны мы выглядели как два заговорщика, только-только приступивших к обсуждению тайного плана.

Я уложила на стол два своих кулака друг на друга, и приткнула на них подбородок. Зажмурилась и попыталась вспомнить обстановку в доме Гада, когда я еще была вхожа в соседский дом, а Гад звался дядей Женей. Обстановка в доме была скудной, что называется – отсюда взяли, оттуда прихватили, кто-то чем-то поделился. Одним словом – старье, дышащее на ладан, но пока пригодное для употребления в загородном быту без претензий. Стулья в доме естественно тоже были, как без них, но это точно были стулья не из дворянского собрания. Казенными были стулья.

- Казенными, - вслух повторила я, не сдержавшись. Вздогнула и повернулась к Темке, желая произнести пламенную речь о преждевременных выводах...

Однако, обращаться было не к кому: мой сын успел испариться на просторах садового товарищества. Видимо, устал следить за работой моей блуждающей по лицу мысли и слинял.

– Темааа, - жалостливо протянула я, привстав, чтобы рассмотреть соседнюю территорию. Почему-то решила, что любознательный подросток поспешил расширить свои неглубокие познания касательно исчезающих стульев проверенным способом. – Темка! – рявкнула я в пустоту.

Сын выглянул из открытого окна, сверкающего чистотой. В одной руке он держал кусок хлеба, намазанный вареньем, в другой – чашку с чаем.

- Чего? – с набитым ртом поинтересовался он.

- Уже ничего, ешь-ешь, мой вечно голодный ребенок.

- Растущего организму нужна постоянная подпитка, - изрек Артем и скрылся.

Я вернулась к своим размышлениям.

А если предположить, что Винихин и сотоварищи умыкнули стулья с предприятия, на котором они работали. В девяностые тащили все что угодно, только бы выжить. Заодно прихватили и стулья. Прошло двадцать лет, кто-то вспомнил о стульях и давай их собирать – человеку захотелось иметь полный комплект... рухляди.

Или похититель страдал амнезией: позабыл, куда спрятал ценную вещь, спустя годы вспомнил – в один из стульев, закупленных в советские годы завхозом для родного предприятия. Неожиданно вылез из амнезии и давай...

Нет, все было по-другому: за ним пришли компетентные органы, он успел закрыться в кабинете, спрятал... нет, не деньги, это точно, спрятал... нечто, после чего добровольно сдался правоохранительным органам. Следствие доказало его вину – брал взятки в невероятных размерах, нанес государству ощутимый вред, за что получил большой срок. Недавно вышел и... давай собирать гарнитур дабы вернуть себе... нечто.

Я замурлыкала песню группы «Любэ»:

- А ну, давай, наяривай, гитара семиструнная, к чему сидеть, да горевать, ведь ночь такая лунная...

При этом аккомпанировала себе на столе – барабанила ладошками. За этим занятием меня застал председатель садового товарищества, без спроса пересекая границы чужого участка. А заодно и границы моего личного пространства, мешая мне строить очередные версии исчезновения стульев. Перед глазами стулья шли шеренгой и махали мне... ножками на прощанье, чуть прихрамывали, вызывая у меня дикий восторг, а тут... явление председателя народу в моем лице.

- Добрый день, Майя Афанасьевна, - расплылся он в улыбке, сосредоточив плотоядный взгляд на моей голой коленке. На мне был фривольный наряд из футболки с растянутым воротом, оголявшим одно плечо, и мини-шорты. Я несколько не смутилась, независимо покачала ножкой, коромыслом перекинутой на другой ноге, и тоже его поприветствовала.

Вступать с этим занудой в диалог мне совершенно не хотелось. Желая поскорее от него избавиться, я прокричала, не поворачивая головы, словно боялась, что гость исчезнет, а мне потом держать ответ:

- Папа, к тебе пришел Валентин Григорьевич!..

Об этом персонаже надо рассказать особо.

Председательствовал Валентин самоотверженно: что-то сделав на благо товарищеского общества, долго и увлеченно об этом рассказывал каждому встречному-поперечному, как будто совершил подвиг в мирное время. И чтобы самому себе в очередной раз напомнить, потому как возраст у него уважаемый: Валентину Григорьевичу Рубахину недавно стукнуло семьдесят.

Мне бы так выглядеть в мои семьдесят: ни тебе седого волоска, шевелюра на голове на зависть всем лысым и нешевелюристым, походка пружинистая, глаз горящий. Был бы чист на руку, вообще цены ему не было. Но, как говорится, не пойман – не вор. По отчетам выходило все честно-прекрасно. Занимать должность председателя никто не хотел, а Рубахин этим пользовался за всю катушку.

У Рубахина имелась вторая половина, редко появлявшаяся в нашем садовом товариществе, а также - двое взрослых детей: сын и дочь - старая дева, которая не вылезала из своего музея. У младшего Рубахина было трое детей, причем третий родился недавно, примерно с год назад, несмотря на то, что отцу уже порядком за сорок. Третий ребенок родился во втором браке, причем супруга выглядела малолеткой по сравнению с мужем, не унаследовавшим гены своего хорошо сохранившегося семидесятилетнего отца. Спрашивается, что молодая особа нашла в данном субъекте неприятной наружности? Знамо что – польстилась на денежки. Не скажу, что младший Рубахин слыл денежным мешком, но точно не бедствовал, судя по представительскому автомобилю. Однако, к своему внешнему виду относился пренебрежительно, чем вызывал у меня тихий ужас: как можно с таким неопрятным немолодым мужиком... даже рядом находиться. В наши редкие встречи я старалась задержать дыхание рядом с ним, мне казалось, что он должен пахнуть... отвратительно должен пахнуть, если ни помойкой, то старостью вместе с хозяйственным мылом из страны Советов.

И чего я взъелась на младшего Рубахина, спросите вы, а я отвечу: есть причина. Дело было много лет назад. Мы были еще подростками. Он начал ко мне грязно приставать, а я отомстила - дала кулаком в глаз. Он побежал жаловаться моим родителям, но забыл поведать причину, принудившую меня к рукоприкладству. Не знаю, на что он рассчитывал, вероятно, надеялся, что я промолчу. Так и вышло – я не из болтливых. Прослушав лекцию о

недостойном поведении девочки-девушки из интеллигентной семьи, я покинула свой участок и направилась к Рубахиным. Подкараулила сексуально озабоченного ябедника и... набила ему второй глаз. Кое-что добавила на словах и с тех пор мы не замечаем друг друга, даже не здороваемся при встрече, проходим мимо, и я... задерживаю дыхание – от него дурно пахнет.

Как-то ляпнула об этом маме, и та сказала, что от него пахнет грязными деньгами. Потом спохватилась и предположила, что он успешно ведет свой бизнес.

Показателем успешности бизнеса служила избенка из двух этажей, которую заботливый сын выстроил для своего родителя, предпочитавшего загородную жизнь городской суете. Только народ болтает, что избенку старший Рубахин выстроил на свои-чужие деньги, прикарманенные за долгие годы председательствования в садовом товариществе. Но повторюсь – не пойман... По моему разумению, сынок и вправду расстарался для родителя, чтобы тот носа в город не казал. Но сам к нему время от времени наезжает, когда немного отойдет от предыдущего общения. У обоих Рубахиных, и у отца, и у сына, характеры еще те – любят спорить до хрипоты, что-то доказывать друг другу. Иной раз дело чуть не доходит до драки.

Кстати, еще про Валентина Рубахина болтают, что у него есть любовница. Я совсем не удивлюсь, если все так и есть. Судя по его пожирающему взгляду, он не только внешне хорошо сохранился, но и как мужик еще на что-то способен. Опять же – материальный достаток, как наживка для ловли женского пола без комплексов...

Валентин пристроился на стуле и принялся придирчиво изучать наш участок, как будто он потенциальный покупатель, мечтающий расторгнуть сделку в последний момент.

Заметив мой к нему интерес, он завел светскую беседу о погоде. Нервозность выдавали пальцы, постукивающие по папке. Поверх папки лежал отпечатанный список членов садового товарищества. Напротив, некоторых фамилий значились трехзначные цифры и росписи. Значит, снова пришел побираться.

Что б ты... жил на одну зарплату, - в сердцах подумала я. И было от чего возмущаться.

Каждый месяц он собирает по двести-триста рублей на... внедрение в жизнь инновационной установки, которая значительно повысит урожайность различных плодовых и овощных культур. Ясно дело – развод чистой воды. Но народ верит и каждый месяц отдает свои кровные, считая, что сумма невелика. Со слов председателя от каждого участка необходимо в год внести полторы тысячи рублей.

Начался «развод» в прошлом году, где-то в это же время, в мае. Приехала бригада рабочих в фирменных комбинезонах - трое мужиков с серьезными лицами. Один - с усами и очень похож на полководца времен Гражданской войны Буденного. По странному стечению обстоятельств, фамилия у двойника оказалась созвучной – Победенный. Я лично выяснила его фамилию, из любопытства. На меня иногда находит.

Мужики во главе с Победенным важно ходили по переулкам садового товарищества, вертели головами, клацали языками и тихо переговаривались. Иногда так же тихо о чем-то спорили. Как потом выяснилось, выбирали удобное место для установки загадочного ящика, из которого торчала антенна, похожая на елку-подростка. Место нашли – столб электропередачи. Укрепили высоко, чтобы никто не добрался. И так вышло, что в тот, прошлый, год хозяева рядом стоящих садовых участков получили небывалый урожай яблок и груш. Рубахин быстро сориентировался и с энтузиазмом рассказал всему честному люду о влиянии на урожайность электромагнитных полей, излучаемых загадочным ящиком с укрепленной на нем антенной-елочкой. И твердо пообещал не оставить без внимания всех членов кооператива, не только счастливиц, чтобы одни не завидовали другим. В прошлом году это был «пробный шар», так сказать промоакция, раз результат получен, теперь услуга предоставляется за денежки. Якобы наш дорогой председатель расстарался и добился от фирмы-исполнителя значительной скидки. На днях представители инновационной компании приедут и установят еще один ящик с антенной. А, может быть, одного будет мало, специалисты разберутся. Мнения по поводу влияния электромагнитных полей «из ящика» на урожайность разделились – кто-то верит, кто-то нет, но деньги сдавать никто не рвется. Однако постепенно уступают уговорам председателя.

По моему мнению, Рубахин ходит по дворам и занимается вымогательством. Достал, честное слово! Потому мысленно пожелала ему жить на одну зарплату. Зарплату или пенсию, не важно, ключевое слово – один доход! Это два слова, но смысл ясен. Что касается разных «премудростей» с повышением

урожайности, я нисколько не сомневаюсь – «представители» в доле, роли давно распределены. А урожай плодовых и овощных культур в нашем садоводстве всегда был весьма неплох. Но нет предела совершенству, как нет предела обогащению за чужой счет...

На улице давно стемнело, мои родственники отправились на боковую, а я сидела во дворе в старом и очень удобном кресле и кормила оголодавших комаров. Никакие защитные средства не помогали. Но я лишь отчаянно почесывала покусанные места, морщилась и с места не сдвигалась. Подумаешь – комары-кровопийцы, тут есть дела поважнее: надо разобраться со стульями, о которых допытывались оперативники у нашего «доброжелательного» соседа.

Голова раскалывалась от идей, все больше глупо-несуразных. Ничего умного насчет исчезающих стульев, как в свое время динозавров, в голову не приходило. Устав от стопорившихся дум и размахиваний-распугиваний, я собралась последовать за родными, мирно почивавшими в своих кроватях, но вдруг услышала шуршание автомобильных шин по гравию и заметила два покачивающихся световых прожектора от фар.

Я подскочила и спешно подошла к забору. Любопытство – наше всё, тем более в такой день, насыщенный загадочными событиями. С левой стороны ко мне приближалась машина «Скорой медицинской помощи». Водитель заметил одинокую фигуру у забора и нажал на тормоза. Из пассажирского окна высунулся мужчина-медик и спросил нужный адрес. Я указала на соседний дом.

Получается, наш сосед занемог, больше никому – в доме он проживает один. В сердце зашевелилась жалость к старому одинокому человеку. Конечно, я злыдня еще та, но имею сострадание к людям, даже к тем, которые этого не заслуживают, которые портят жизнь другим, попивают чужую кровушку. Как те самые комарики.

Я топталась на месте, не зная, что предпринять: то ли идти домой и рассказать маме, то ли броситься к соседу, чтобы... просто быть с ним рядом. Чтобы он ощутил поддержку. А если мое появление ему не понравится? Он сильнее разволнуется, как следствие - пошатнувшееся здоровье даст окончательный и бесповоротный крен.

- Майя, добрый вечер, - поприветствовал меня знакомый голос, не позволив прийти к консенсусу.
- Добрый вечер, дядя Семен, - ответила я таким тоном, что сразу было понятно – вечер совсем не добрый.
- К Винихину, что ли? – спросил дядя Семен, кивнув в сторону соседского дома.
- К нему. Днем его видела, он выглядел вполне здоровым, - озадаченно пробормотала я.
- Возраст, знаешь ли, ничего удивительного: днем чувствовал себя нормально, а вечером сердце прихватило.

Семена Ивановича Горобца я знаю с тех пор, как себя помню. Получается, с трех лет. Мой папа называет друга Сенькой, так и я к нему обращалась в неразумном детстве. Уже после он стал дядей Сеней, но никогда не превратился в Семена Ивановича, потому как я его считала родным человеком.

У дяди Сени жизнь была непростой. Своего отца он не знал, его воспитывала мать, Ада Ильинична, деспотичная особа. Со спины Ада походила на пионерку благодаря невысокому росту и балетной хрупкости, а спереди – на пенсионерку. Я не знала ее молодой, только – старой, с морщинистым лицом, узкими губами с всегдашней ярко-розовой помадой. Мне казалось, что она и спать ложится с накрашенными губами. Бледность лица резко контрастировала с ярко-розовыми губами, но успокаивало одно – губы не красно-вампирические, а то был бы ужас-ужас. Ада всегда была препротивной теткой. Судите сами: ее сын Семен жил по установленному ею принципу – шаг вправо, шаг влево, расстрел. Он обязан был спрашивать разрешение у матери во всех жизненных вопросах любой сложности.

Мой отец дружит с Семеном всю жизнь – они жили в одном дворе, ходили в один детский сад, потом – в одну школу, сидели за одной партой. Ада позволяла мальчикам дружить, потому что мой папа был из «хорошей семьи». Кому как ни моему отцу знать, что пришлось вынести Семену от матери. Послушный сын получил образование в вузе, на котором настояла мать. Ни одна особа женского пола, на которую положил глаз сын, мать совершенно не устраивала. Во всех девушках придирчивая мать не видела потенциальной невестки и будущей жены для своего сына, наделенного массой достоинств, чего не скажешь о претендентках. Надо честно признать,

Семен был хорошо собой, умен, недостатка в поклонницах у него не было. Однако у Семена был один весомый недостаток – он позволял матери вмешиваться в его личную жизнь, по этой причине остался холостым. Но! У Семена есть внебрачный сын Аркашка. Он моложе меня на четыре года. Семен хотел жениться на матери своего будущего ребенка, уверенно сообщил об этом Аде, но сие обстоятельство - уважительно-джентльменская причина - Аду не тронуло, она заявила, что воспитала сына одна, пусть «та женщина» тоже воспитывает ребенка одна. И вообще, надо еще проверить, его ли это ребенок. Семен несколько не сомневался, что ребенок, которого носила под сердцем «та женщина», его, что он является его отцом и никто другой. Кстати, «ту женщину» звали Светланой. Не знаю, на самом деле, или Ада сориентировалась по ходу «пьесы», но она заявила, что Светланой звали ее бывшую свекровь, которая приложила все силы, чтобы развести сына с невесткой. Поэтому на имя Света у нее идиосинкразия. Семен что-то пробормотал по поводу любого женского имени, которому найдется «применение», после чего у Ады случился гипертонический криз, и она едва не угодила в гроб, так она с чувством рассказывала моего отцу, близкому другу ее сыночка. Сыночек пожалел «больную» мать и не женился на матери своего сына. Но из роддома обоих встретил, дал сыну свою фамилию и всегда помогал материально. Матери сообщил, что у нее родился внук, как две капли воды похожий на отца. Он несколько не лукавил, Аркашка и впрямь очень похож на дядю Семена. Ада наотрез отказалась взглянуть на внука, огорошив очередным заявлением: если бы родилась внучка, она бы еще подумала...

Ада Ильинична скончалась не так давно в возрасте девяноста двух лет на руках заботливого и любящего сына. Перед смертью она сильно болела, Семену даже пришлось уволиться с работы. Жили они на две пенсии, одна из которых уходила в семью сына. Аркашка к тому времени успел два раза жениться, оба раза по большой любви, и успел обзавестись потомством. Две внучки дяди Сени, Света и Сима - от двух браков сына, были очаровательными девчушками. Дед часто привозил их на дачу, и вообще помогал чем только мог. Аркашка постоянно менял место работы, гонялся на «длинным рублем», получал гроши и ругал всех подряд, кроме себя любимого. Его мать, «та женщина», будучи в уважаемом возрасте, выскочила замуж на иностранца, и укатила к нему на родину. Видимо, устала от сына, возложив заботу о нем на отца, хотя, отец всегда держал руку на пульсе, всегда помогал словом и делом...

- Что-то Гад... простите, дядя Сеня, что-то Винихин пользуется сегодня большой популярностью, - неожиданно высказалась я, не сводя взгляда с соседнего дома.

- Что-то произошло? – спросил Горобец без особого интереса и добавил, - я сегодня занимался внучками, весь день провел с ними в городском парке на аттракционах, так что не в курсе сегодняшних событий.

- О! Так вы не знаете, что к Гаду... к Винихину... полиция приезжала! – воскликнула я и расплылась в счастливой улыбке. Улыбка быстро исчезла – все-таки событие не слишком радостное. Хотя, для кого как.

- Наверное, по вашему земельному разбирательству? Когда он, наконец, уgomонится? - хмуро заметил дядя Сеня.

- В том-то и дело, что не по нашему вопросу, - прошебетала я возбужденно и опять расцвела маковым цветом, как будто вот-вот стану наследницей большого состояния, о чем и собираюсь сообщить пока колеблющемуся кавалеру.

Для ведения серьезного разговора мне пришлось выйти за калитку и прихватить визави под руку. Визави не сказал ни слова, только погладил тыльную сторону моей ладони своей мозолистой рукой. Я прильнула к его плечу. Наверное, со стороны мы походили на двух влюбленных голубков. Меня не интересует чужое мнение, тем более, на улице не было ни одного любопытного.

– Дядя Сеня, сегодня днем кое-что произошло... загадочное, - сообщила я с придыханием, - поэтому мне не спится в такой неурочный час, сижу и ломаю голову.

На всякий случай я осмотрелась в поисках «лишних ушей». Вокруг не было ни души, что не удивительно: время близилось к полуночи, нормальные люди давно дрыхнут.

- Что же, что случилось? - без особого интереса спросил Горобец, зная мою склонность к преувеличениям и умению делать из мухи слона.

– То, что удалось узнать, поставило меня в тупик. Теперь не знаю, что и думать, - виртуозно высказалась я, окончательно запутав собеседника. Зачем-то захотелось напустить туману.

Друг отца одарил меня озабоченным взглядом, одновременно теряясь в догадках и теряясь в своих дальнейших действиях касательно меня, особы, которая ведет себя странно и подозрительно. Напрашивается вывод – со мной не всё в порядке, точнее – со мной беда. Лицо дяди Сени, доселе уставшее и мало эмоциональное, вдруг ожило: на лице обозначилась озабоченность без очевидной решимости: что со мной делать дядя Сеня пока не знал - то ли заняться самолечением, то ли сразу обращаться к специалистам. Я запоздало сообразила - мое сбивчивое начало и мечущийся взгляд сделали свое нехорошее дело. Надо как-то исправлять ситуацию. Зря я затеяла этот разговор, ведь сама толком ничего не знаю. Пока я мечтала о обратном ходе – дескать, неудачно пошутила, что тоже глупость несусветная, Семен Городец подтолкнул к дальнейшим объяснениям, причем коротко и доходчиво.

- Ну и? – спросил он и сам выдал предположение, чтобы не выслушивать мои пространные речи, выдающие серьезные проблемы с головой. – Кто-то пожаловался на Винихина? Чему я не удивлен. Давно пора приструнить, совсем мужик распоясался, никому от него покоя нет.

- Полицейские спрашивали у него насчет каких-то стульев, - шепотом доложила я. Решилась, наконец! – Знать бы еще, что за стулья. И почему ими так заинтересовались правоохранительные органы? Будто бы стулья украдены у разных хозяев. И будто бы у Винихина тоже были стулья «из гарнитура», но он их сжег, с его слов. Сказал, пришли в негодность и... отправил в топку. Что за стулья такие ценные, зачем их красть, почему стулья оказались у разных людей? Вам об этом что-то известно, дядя Сеня?

- Понятия не имею, о чем идет речь? – передернул плечами Городец.

- Я предположила, что стулья экспроприировали с вашего предприятия и разделили между собой. Если так, то почему только сейчас они кому-то понадобились? А, дядь Сень?

- Майка, вот любишь ты себе голову забивать разной чепухой, - с укоризной заметил пожилой, но еще бравый мужчина, статный, высокий, с ровной спиной и без намека на пузико. – Лучше бы замуж вышла, давно пора. Есть кто-то на примете?

- Нет никого, - окрысилась я. – А замуж я выйду только после вас.

- Эх, молодежь! Всё считаете, что жизнь длинная до бесконечности, и вы все успеете. Только в зрелом возрасте приходит осознание - жизнь летит со скоростью космической ракеты, не успел оглянуться и на тебе – старость на пороге... Или старуха с косой. – Сегодня друг моего отца совсем не походил на себя: куда-то исчез его позитивный настрой, да и внешний облик оставлял желать лучшего.

- Дядя Сеня, как вы себя чувствуете? – ласковым голосом спросила я и погладила его по плечу. Дядя Сеня извернулся и поцеловал мою руку. Одарил меня приятной улыбкой и ответил:

- Нормально, устал только.

- Загоняли вас внучки.

- Ни без этого. Ничего, сейчас чайку с медом выпью, хорошую книжку почитаю и спать. Утром буду как новенький. Или прежде к Винихину заглянуть? Узнать, что да как. Вдруг помощь понадобится. Один он, со всеми родными разругался. Вот характер у человека! Не приведи господи!

- Я и сама подумывала к нему зайти. Жаль его, хоть и гадкий он человек. Но все же человек.

- Ты домой иди, я сам... Иди-иди, Маечка, отдыхай.

- Ладно. Спокойной ночи, - пожелала я и только собралась уходить, как из соседнего дома показался доктор, тот самый, что спрашивал у меня адрес.

Я сразу развернулась на сто восемьдесят градусов и примкнула к Горобцу, который направился к машине «Скорой помощи». На наш вопрос о здоровье соседа, доктор не спешил отвечать. Но потом снизошел, уже забравшись в салон автомобиля.

- Ничего страшного. Давление немного повышено и уровень сахара в крови выше нормы. И с тем, и с другим мы справились. Не надо больного тревожить, ему необходим полный покой, - предупредил он, предугадав наш порыв. - Утром справитесь у него о здоровье. Все необходимые препараты у него имеются. Желаю здравствовать.

- И вам не хворать, - задумчиво протянул Горобец, а я выразительно посмотрела на высокомерного медика, дав понять, что возмущена... всем и сразу. Медик вдруг широко улыбнулся и хитро подмигнул. Я опешила от неожиданного превращения зазнайки в свойского парня.

Автомобиль укатил, а мы с дядей Сеней все стояли и не двигались с места. Я сверлила взглядом соседний дом с одним светящимся окошком, дядя Сеня высматривал что-то под ногами. Я тоже подключилась, словно меня попросили что-то отыскать в придорожной траве. После отъезда «Скорой» мы не обмолвились ни словом. Каждый из нас думал о своем. Не знаю, о чем думал мой визави, а я – о докторе, который по мановению невидимой волшебной палочки вдруг преобразился.

А он ничего, - подумала я о докторе. – Лет сорок пять, не больше. Интересно, он женат? Скорее – да, чем нет... И все-таки он задавака. Высокомерный типчик. Знаю я таких... самовлюбленных павлинов. Когда им что-то нужно, они стелются мелким бисером, в других случаях отвечают сквозь зубы. Или я снова берусь ставить ошибочный «диагноз»?.. Совсем нет, не ошибочный: даже свой первый вопрос он задал таким тоном, как будто он помещик, а я его дворовая девка, которая должна угождать по первому требованию, которая должна лететь и спотыкаться по первому зову. Бывают же такие! Как их только жены выносят?!

Я легко представила себе супругу хитро-мудрого доктора: бледная моль с бесцветными волосами, забитая и бессловесная. Обязательно худющая как пациент из анекдота: «Ты где прятался? – спрашивает врач. – Я сначала за удочкой стоял, потом за леску перебежал». Но мне ее совсем не жаль – сама сделала свой выбор. И теперь каждую минуту трясется от страха – вдруг уйдет к другой?! Как же я без него, я без него пропаду!

- А вот и наш болящий, - шепотом доложил дядя Сеня, вырывая меня из глубокомысленных размышлений о мужчине, уехавшем в ночь.

Пока я осмысливала сказанное, Горобец ласково задвинул меня под большой куст отцветшей сирени, и сам пристроился рядом. Я подергалась от возмущения, приятель отца успокоил следующим сообщением:

- Сейчас мы понаблюдаем, куда это Винихин собрался на ночь глядя.

- Может, он лунатик? – так же шепотом предположила я и поскребла ногтями укушенный кровопийцами локоть.

- Не похож Винихин на лунатика – взгляд вполне себе осмысленный. Гляди, Майка, как он опасно по сторонам озирается. Явно не хочет попасться кому-то на глаза.

- Ууу, гад, - прогудела я, придерживая ветку сирени, возжелавшую выколоть мне глаз. Обращение, естественно, было адресовано соседу с хитрыми помыслами. – Что же он замыслил? А?
- Кабы знать.
- Уж точно ничего хорошего, знаю я его гадскую натуру, - процедила я сквозь зубы. На этом не остановилась, - и «Скорую» вызывал для отвода глаз – алиби себе зарабатывал.
- Постой, не пойму куда ты клонишь?
- Взять любого человека в пожилом возрасте, у него есть хронические заболевания, которые время от времени напоминают о себе. У Винихина, без сомнения, гипертония, повышенный уровень сахара в крови. Не сомневаюсь, что визит полицейских спровоцировал ухудшение самочувствия, но это не повод звонить в «Скорую» - больной человек сам знает, какие препараты ему надо принять. И в аптеку бежать не надо – все под рукой.
- Много ты понимаешь.
- Много!
- Тише, - прошипел дядя Семен.
- Сами посудите - раньше Винихин так не поступал, я сама много раз слышала, как он поносит медиков, будто бы лечить они не умеют, а болезни находят только в платных клиниках, чтобы побольше денег содрать с пациентов.
- В некотором роде он прав.
- С какой стати Винихин изменил свое отношение к докторам? Совсем заплохело? Если так, то почему он слоняется по двору, едва «Скорая» укатила? Я вот думаю...
- Майка, ты можешь хотя бы минуту помолчать? - осадил меня дядя Сеня, не дав продолжить гениальную мысль.
- Не к добру все это, ох, не к добру, - не сдалась я.
- А ты не каркай, - с недовольством высказался Горобец.

О моих «способностях» он ничего не знал, поэтому удивленно на меня воззрился, когда я отшатнулась и почти упала в объятия недружелюбного сиреневого куста, ойкнув от боли и собственной глупости.

Когда я научусь держать язык за зубами?!

Горобец выдернул меня из объятий сирени и успокаивающе похлопал по плечу. Меньше всего я думала о своей оплошности, больше – о соседе с его липовым алиби и желанием к кому-то наведаться. И причина столь позднего визита вызвана дневным посещением оперативников: дело касается пропавших стульев, в этом нет сомнения.

Мы с дядей Семеном продолжили следить за Винихиным, который не спешил оправдывать моих азартных ожиданий с походом к своему поделщику. Он пошатался по двору, затем принялся изучать звездное небо. Снова прогулялся по дорожке, ведущей к калитке. Не дойдя до калитки пары шагов, развернулся и поплелся к дому. Зачем-то заглянул в металлическую бочку с водой, сложил ладони ковшиком, зачерпнул застоявшейся воды и умылся. После чего обтер мокрое лицо майкой, крикнул от удовольствия, да и скрылся в доме.

- Он нас заметил, потому и передумал куда-то идти, - разозлилась я и притопнула ногой.

- Не думаю, что он нас заметил, хотя, кто его знает.

- Расстарался Рубахин, наставил столбов уличного освещения, - укоризненно высказалась я.

- Винихин мог нас увидеть из окна, когда мы с доктором беседовали.

- В этом случае, он бы вообще не вышел из дома. А он вышел... по неизвестной надобности, а потом вдруг передумал. Что же он задумал? Дядь Сень, вы идите, поздно уже, к тому же вы устали, а я покараулю Винихина. Надо выяснить, куда он собрался. Вдруг где-то спрятал стулья, а после визита полицейских решил их перепрятать.

- Майка, заканчивай играть в разведчиков, иди спать. И я пойду... Иди, я сказал, а то отцу пожалуюсь.

- Ой, боюсь, боюсь, боюсь, - пролепетала я, но спорить не стала: глаза слипались, к тому же я вся исчезалась...

Ранним утром меня разбудил волчий вой. Так мне поначалу показалось. А потом я сообразила, что громко плачет женщина. Я выглянула в окно. Мама стояла у калитки и смотрела в ту сторону, откуда доносились завывания.

- Что случилось? – повысив голос, спросила мама у невидимого мне человека. Человек ей что-то ответил, но я не услышала, что.

- Mam, что там?

- Говорят, Рубахин повесился, - непонимающим голосом изрекла она и передернула плечами, словно сбрасывала с плеч печальную новость.

- Не захотел жить на одну зарплату, - не подумав, ляпнула я, благо, меня никто не услышал.

Наскоро умылась, переоделась и поспешила к дому Рубахина.

Возле забора участка Рубахина уже толпился народ, и стояли два полицейских автомобиля: легковой и минивэн. Вскоре прибыла «Газель» с надписью на борту «Специальная» и из дома на носилках вынесли тело хозяина, накрытое простыней. Люди сразу притихли и замороженно проводили взглядами носилки с телом.

Я тоже застыла, даже дыхание задержала, потом попятилась, причем так быстро, что едва не упала. Отойдя от группы обеспокоенных граждан, только тогда вдохнула полной грудью. Голова закружилась, меня качнуло, как неопытного матросика на палубе корабля во время незначительного шторма. Я ухватила рукой на невысокий забор и попыталась сфокусировать зрение на двери дома Рубахина. Из дома дружной стайкой выходили незнакомые люди, среди них был Семен Горобец, странным образом угодивший в компанию профессионалов: я была уверена, что все эти люди занимаются расследованием убийства Валентина Григорьевича Рубахина, включая кривоногого мужичка невысокого роста с чемоданчиком. Мужичка я тотчас окрестила экспертом-криминалистом. Он обратился к широкоплечему мужчине выше среднего роста, по всей видимости, старшему в группе. Тот его внимательно выслушал, не забывая осматривать окружающее пространство цепким взглядом, после чего удовлетворенно кивнул. Эксперт-криминалист снова исчез в доме Рубахина, чуть не столкнувшись с еще одним моим знакомцем по фамилии Селезнев, правой рукой покойного председателя

Валентина Григорьевича. Я сразу сообразила, что Селезнев и Горобец приглашены в качестве понятых.

Оперативники еще какое-то время постояли на пороге, потом, не сговариваясь, преодолели три ступеньки лестницы, встали полукругом спиной к дому и о чем-то зашептались. Горобец и Селезнев потоптались, затем неуверенно преодолели те же ступеньки, обогнули компанию профессионалов, но не ушли, а застыли в сторонке в ожидании дальнейших указаний.

Я набралась наглости и окликнула дядю Сеню. Тот отмахнулся даже не глядя в мою сторону. Потом и вовсе показательно встал ко мне спиной. Я психанула и резвой пороссячьей рысью двинулась в обратный путь. Однако моей конечной целью был не наш садовый участок: я загорелась желанием навестить гражданина Винихина, чтобы с пролетарской прямолинейностью спросить у него: 1. Зачем он вызывал неотложку, если на очень больного человека совсем не походил? 2. Если он, действительно, испытывал недомогание, то за каким чертом вышел лунной ночью во двор и куда собирался двигать? Не к Рубахину ли, с которым их связывали темные делишки, под которыми я подразумеваю энное похищенных стульев, заинтересовавших следственные органы?

В моей голове как-то всё просто и быстро сложилось, но делиться своими соображениями я ни с кем не собиралась, тем более, с глубокоуважаемым господином Горобцом. И этот человек назывался мне другом...

Я пребывала в полной уверенности, что под моим напором Гад, он же Евгений Михайлович Винихин, быстро сдуется и расскажет всё как на духу – признается в убийстве Рубахина, своего подельника.

Вчерашний визит Рубахина в наш дом невероятным образом совпал с появлением у Винихина полицейских. Валентин Рубахин пришел на разведку: вдруг мы в курсе событий? О чем он беседовал с отцом, я не знаю, но могу предположить, интересующую его тему затронули. Артем мог разболтать бабушке и дедушке о своей вылазке на соседний участок и о подслушанном разговоре. С отца никто не брал подписку о неразглашении тайны, поэтому он честно ответил на вопрос Рубахина...

Рубахин... Был Рубахин и нет его...

Он только с виду... был бравый, а надави на него, он признается во всех смертных грехах. Трус, одним словом. И многим факт его трусоватости был известен, Винихин - не исключение. Потому Винихин хотел наведаться к своему ненадежному поделщику, который может сдать его с потрохами. Чтобы не сдал, он навсегда закрыл ему рот. И представил убийство как самоубийство.

Одно не пойму – почему накануне оперативники нагрянули только к Винихину? Или я чего-то не знаю? В нашем садовом товариществе любого ткни пальцем и попадешь в бывшего работника химзавода... Об этом стоит подумать.

Однако времени на размышление у меня не было, надо ковать железо пока оно горячо. Сейчас Винихин пребывает в состоянии беспокойного ожидания: опасается прихода полицейских, идущих по следу убийцы. Но надеется, что возмездие его минует. Действительно, никто его не видел у дома Рубахина, алиби, если таковое понадобится, у него есть: после употребления медицинских препаратов заснул беспробудным сном. Да, выходил во двор на короткое время, но потом... уснул. И вообще ничего знать – не знает.

Сейчас я его быстро выведу на чистую воду!

Я открыла калитку чужого садового участка, прошмыгнула на территорию, осмотрелась в поисках хозяина, не увидела ни одной живой души, включая кота Вулкана красно-рыжей масти величиной с хорошую собаку. Кажется, мама говорила, что Вулкан сбежал от Винихина, что не удивительно.

Я потрусилась по узкой дорожке, ведущей к дому, успев зацепить взглядом грядку с поспевающими ягодами клубники. Добралась до двери и постучала костяшками пальцев. Мне никто не открыл, я повторила процедуру. И опять меня никто не спешил впускать внутрь. Тогда я толкнула плечом дверь, дверь со скрипом отъехала, а я ввалилась внутрь.

Меня охватил липкий страх. Коленки подрагивали, кто-то здравомыслящий, сидящий в голове, приказывал уносить ноги. Но я переборола страх, заставила здравомыслящего заткнуться. Однако заходить в дом пока не спешила, стояла на пороге и чего-то ждала.

Вдруг мне привиделась страшная картина – убитый хозяин на полу собственного жилища. Ответной реакцией на представленную картину стало

яркое желание дать деру, не забыв крепко припечатать дверь. Но я точно знала: если дам деру, то обязательно вернусь, чтобы убедиться или разубедиться в смерти Винихина. Второе – более вероятно: по моему разумению хозяин спит беспробудным сном после инъекций и таблеток, на самом деле - притворяется.

Актеришка погорелого театра! Что ж, неплохая идея, да легко разрушаемая.

Спит он, ну-ну, хочет показать всему миру «я не я и хата не моя», в том смысле, что он не при делах: Рубахина не убивал, спал, сплю и буду спать, потому как... больной на всю голову. Вот это верно, это в самую точку.

Что, Винихин, думаешь сдамся? Отступлю? Ага, держи карман шире, я тебе в этот карман хитроумных вопросов накидаю.

Приняв дерзкое решение, я все ж таки не спешила рыскать по комнатам в поисках «спящего» хозяина. С трудом сделала два неуверенных шага, как будто у меня возникли серьезные проблемы с ногами или я заново учусь ходить. Мысленно обругала себя последними словами за нерешительность, но не ринулась в бой. Встала на цыпочки и балетным шагом продвинулась вперед на незначительное расстояние, не удержалась на цыпочках, бухнулась на пятки с таким грохотом, словно весила больше двух центнеров, замерла и задержала дыхание, на всякий случай. Прислушалась, желая уловить малейшее движение в доме. Где-то далеко весело журчал холодильник, благотворно влияя на мое неуравновешенное душевное состояние.

Таким грохотом можно мертвого разбудить, - подумала я и не нашла ничего лучше, как обратиться в пугающую тишину, разбавленную равномерной работой холодильника, с конкретным вопросом:

- Евгений Михайлович, вы дома? - Подобными голосами в детстве мы пугали друг друга, рассказывая страшные истории. Вышло по-дурацки.

Выдержав короткую паузу в ожидании ответа, пришлось пояснить для «глухого» хозяина, подобрав правильные интонации:

- Евгений Михайлович, это Майя, ваша соседка, у меня к вам важный разговор.... Аууу... Есть кто дома?... А дома никого нет, - ответила я самой себе, осматриваясь по сторонам. Только сейчас заметила в крохотной прихожей на стене вешалку со старой одежкой - две мужские разносезонные куртки и клетчатая рубашка, под вешалкой расположилась пара резиновых сапог, а также видавшие виды мужские туфли со стоптанными задниками.

- Дядя Женя, - предупреждающе протянула я, появляясь в комнате.

Посредине комнаты стоял круглый стол. На столе - старая коробка из-под обуви с кучей таблеток и лекарственных пузырьков. Еще был стакан, наполовину наполненный водой, блюдце со вскрытыми ампулами и двумя использованными одноразовыми шприцами и чашка с недопитым чаем. На дне чашки болтался кружок лимона. Я невольно дотронулась до чашки. Чашка была холодной.

Я поводила недоуменным взглядом по сторонам, как будто мы с хозяином играли в прятки. Взгляд упал на потертый диван, так сильно придвинутый к стене, что диванная спинка слегка наклонилась вперед. На противоположной стороне стоял комод, используемый в качестве подставки под телевизор, не последней модели, но и не «совдепия – дом родной». Верхний ящик комода был слегка выдвинут, из него длинным языком выпадал шелковый галстук, сохранившийся из далекого прошлого, веселенькой расцветки в мелкий цветочек. Почему-то безобидный галстук навел на меня ужас.

Я попыталась от него отвлечься. Продолжила изучение окружающего пространства.

Из комнаты вели два дверных проема, не отяжеленных дверями. Проемы прикрывали лишь занавески, в настоящий момент слегка раздвинутые. Из комнаты можно попасть в кухню и еще в одну комнату меньшего размера, используемую в качестве спальни. Сначала я направилась в миниатюрную кухню, больше похожую на большой шкаф, но с окном. Окно размахнулось почти на всю стену. По левую сторону от окна стоял узкий фанерный шкаф и небольшой холодильник, по правую - стол. На столе - сушилка для посуды и двухкомфорочная газовая плитка. От плитки змеей тянулся резиновый шлаг, закрепленный на газовом баллоне. Газовый баллон стоял на полу возле стола. На плитке красовался светящийся от чистоты новенький чайник со свистком с нарисованными яркими клубничками и стояла небольшая алюминиевая кастрюлька. Я подняла крышку и заглянула в кастрюлю. На дне кастрюли плавал куриный вермишелевый суп. Чайник и кастрюля с остатками супа были холодными. В раковине находилась грязная посуда: две тарелки, вилка и ложка.

Что-то мне подсказывало, что хозяин исчез еще ночью. Поужинал вермишелевым супом, чем-то еще – раз тарелки две, выпил чаю с лимоном и... отправился к Рубахину....

К Рубахину... Но где в этот момент находилась супруга погибшего Рубахина?

О чем это я?! Всем известно, что мадам Рубахина не выносит скучной загородной жизни. Злые языки болтали, что дамочка завела себе молодого любовника. Но я в это не верю: видели бы вы эту «красотку»! Конечно, и на таких «красоток» любитель найдется, но верится с трудом: надо быть полностью незрячим и иметь вдобавок какие-то физические недостатки, чтобы польститься на телеса мадам Рубахиной и совершенно отчаяться в поисках личного счастья.

Нашла время для философствования! Отнюдь не случайно – чтобы в уголовном деле не появился еще один подозреваемый – любовник мадам Рубахиной, который решил стать для нее единственным, а заодно завладеть всем имуществом... Если мой недруг, младшенький Рубахин, это позволит.

Будем отталкиваться от того, что любовника нет и в помине, это все бабские наговоры.

Не скажу, что мне хочется видеть в Евгении Винихине убийцу председателя, но я считаю его более вероятной кандидатурой на эту роль. Если бы не вчерашний визит оперативников, то и версий никаких не было...

Я покинула кухню с озабоченным видом и направилась в спальню, которую оставила напоследок. Если по-честному, то я как могла оттягивала сей момент - опасалась рухнуть в обморок от увиденной ужасающей картины убийства. Успокаивало одно – через щель между двумя пестрыми ситцевыми занавесками, ненадежно прикрывающими проход в спальню, я отчетливо видела край разобранной кровати, но не видела босых ног... с торчащими пальцами синюшного цвета.

Еще в кухне, между философскими рассуждениями, я сомнительно себя подготовила к походу в спальню. Несмотря на отсутствие ног с синюшными пальцами, неожиданно четко нарисовалась следующая картина: на кровати лежит Винихин с остекленевшим взглядом и окаменевшей рукой с выставленным пальцем, это он таким нехитрым способом указывает на... всяк входящего, как бы винит непрошенного гостя в собственной смерти. В данном случае, виновником гибели буду я, раз первой пришла в чужой дом. Точнее, второй – после убийцы. Важное уточнение.

Получается, я все для себя решила? Винихин мертв? Обоих - и председателя, и Винихина - убил кто-то третий?

Но еще десять минут назад я думала иначе - убийцей назначила Винихина и собиралась прижать его в стенке.

Кажется, я бегу впереди паровоза.

Я бочком подобралась к пестрым ситцевым занавескам, прикрывающих проход в спальню. Недолго думая, театрально отбросила занавески в стороны, не сдвигаясь с места. Одного взгляда хватило, чтобы понять – спальня пуста. На разобранной кровати никого нет, как нет следов борьбы. Человек лежал на кровати, потом отбросил одеяло, поднялся и куда-то отправился... Знамо куда – к Рубахину.

Я попятилась к выходу, но слегка сместилась с курса, уперлась в диван и бухнулась на него. В поле зрения опять попал стол с коробкой, блюдцем, чашкой и стаканом. Возле стола стояли три стула. Не новые, но пригодные в употреблении. Стулья, как стулья, деревянные с высокими спинками и жесткими сиденьями.

- Вот тебе и ореховые стулья фабрики Гамбса из гарнитура генеральши Поповой, - пробормотала я. – В этих уж точно никаких драгоценностей не спрячешь. И не об этих стульях вели речь полицейские, когда накануне нагрянули к Винихину... А о каких? Кому те стулья понадобились?

И самый главный вопрос: куда подевался Винихин?

- Куда-куда, - возмущенно проговорила я вслух, - смылся наш Винихин, и теперь ищи его свищи. Я уж точно искать не буду. Не мое это дело... Буду помалкивать. «Хорошая» гражданская позиция!.. Но с другой стороны, кому надо, тот сам во всем разберется.

Я обо всем забываю и занимаюсь своими делами.

Забываю, как же... Все выглядит очень подозрительным: якобы Рубахин покончил с собой... повесился, а Винихин исчез сразу после данного печального события... Никогда не поверю, что Рубахин наложил на себя руки, не тот он человек... Как быть с Винихиным?..

Я поводила глазами по комнате в поисках подсказок и улик и заинтересовалась подозрительно чистыми полами. Чистыми-пречистыми, как будто их тщательно вымыли перед уходом. Не скажу, что я оставила отчетливые следы, но при желании можно обнаружить мое пребывание. Какой можно сделать вывод? Винихин вымыл пол, причем только в большой

комнате, позабыв о кухне и спальне, и удрал. Почему только в комнате? И зачем ему мыть полы?

А если предположить, что хозяин сидел за столом и пил чай, преступник напал на него сзади - набросил удавку и задушил, после чего выволок наружу, чтобы вывезти туда, где тело никогда не найдут. Заодно переложил вину за убийство Рубахина на «сбежавшего» Винихина. Преступник избежал от двух опасных для него людей, запутав следствие, которое обязано пойти по ложному пути.

Чистые полы в комнате... Убийца заметил следы волочения и постарался от них избавиться.

Искать улики бессмысленно. Тем более такому «специалисту», как мне.

Меня обуял ужас от понимания того, что враг затаился где-то рядом – он должен держать руку на пульсе, это в его интересах. Я мысленно досчитала до пяти, попыталась себя убедить, что в доме его нет, приняла беспечный вид, как мне казалось, медленно поднялась с дивана, медленно и с неким вызовом продвинулась к выходу, слишком резко перескочила порог, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной.

Дверь... Дверь была не заперта. Это еще одно подтверждение того, что Винихин не покидал своего дома по собственной воле, скажем так.

Надо поговорить с родителями – вдруг они видели соседа утром, вдруг он поехал в город, а версия с убийством родилась в моем богатом воображении.

Но если всё так - он поехал в город и люди это видели, то в любом случае Винихин должен был услышать новость о смерти председателя. А, услышав новость, однозначно передумал бы покинуть свой садовый участок. И не только из любопытства: побег, пусть и заранее спланированный после визита оперативников, сыграл бы против самого Винихина.

Но Винихина нет в доме, его не было у дома председателя. Следовательно, Винихин его убил и смылся. Это первый вариант. Второй – Винихин сам стал жертвой преступника. В этом случае мы с дядей Сеней видели его последними...

Со своего места я хорошо видела свой участок, беседку, в которой сидели мои родители вместе с Семеном Горобцом и о чем-то тихо переговаривались.

Ясное дело - обсуждали смерть Рубахина. Не сомневаюсь, что в версию самоубийства они тоже мало верят. Повторюсь – Рубахин слишком любил жизнь во всех ее проявлениях, чтобы обрывать ее по собственной инициативе. Я еще могу допустить версию с новостью о неизлечимой болезни, без всяких шансов на выздоровление, но и в этом случае не каждый человек способен совершить страшный поступок: одни сомневаются в правильности поставленного диагноза, другие надеются на чудо, причем надеются до последнего.

Но речь идет о Валентине Рубахине! О человеке, которого я видела накануне, который выглядел вполне себе здоровым и счастливым. Никаких тайных планов не вынашивал, если только речь не идет о привычном надувательстве с получением собственной выгоды в больших размерах. Следовательно, надо говорить об убийстве, за которым последовало подозрительное исчезновение Винихина. Исчезновение ли, вот в чем вопрос?

Надо было бежать отсюда подальше, но я все стояла на пороге чужого дома и посматривала на беседку, на родных и понятных мне людей, положительных во всех отношениях и не способных на то, чтобы совершить преступление, не готовых обвинять в чем-то даже не совсем порядочного человека без доказательства вины, а готовых всегда протянуть руку помощи и оправдать. Конечно, убийство никто оправдывать не станет, в данном случае речь ни об этом, но я, в отличие от своих родителей и дяди Семена, никогда не ищу оправданий неблагоприятных поступков отдельных личностей. Поступив подло один раз, поступит и второй, и третий. И что, каждый раз искать оправдание его поведению?! Поиск оправданий я называю пластилиновой мягкотелостью. Те же судебные разбирательства с Винихиным можно было пресечь на корню, но... Впрочем, сейчас надо думать о другом...

Троица в беседке была так увлечена разговором, что не замечала никого вокруг, включая меня, несмотря на то, что с их позиции соседний дом, особенно входная дверь, просматривались как на ладони. Всего лишь поверни голову. Мне еще повезло, что никто из троицы не сидел строго лицом ко мне, а то попала бы в «объектив» со всеми вытекающими последствиями. Не скажу, что получила бы по пятое число – возраст не тот, да и родители меня слишком любят и доверяют, но раз любят, то волнуются: как бы чего не вышло. Точно по Чехову Антону Павловичу.

Мне казалось, что едва я отлипну от двери и двинусь в сторону калитки, как меня тут же обнаружат. Совершенно не хочется объясняться. Но не подпирать же мне дверь до темноты! Я решила и легко пробежалась до калитки, скользнула в переулок и уже направилась к дому покойного Рубахина, чтобы разжиться очередными новостями, но быстро передумала, развернулась и без энтузиазма потянулась к своему дому.

Появившись перед родителями и их приятелем, поприветствовала всех и присоединилась к чаепитию, не забыв поинтересоваться, где мое любимое чадо: мать называется, с утра не видела ребенка и спокойна как старушка после выпитой упаковки таблеток валерианы.

- Тема пошел на речку с ребятами, - доложила мама, пытливо поглядывая на меня.

- Что там делать на речке – вода еще холодная, - передернула я плечами и взялась за еще теплый оладушек.

- Ребята отправились на рыбалку еще затемно, разве ты не в курсе? – с легким осуждением спросил отец.

- В курсе, но позабыла за всеми событиями.

- Очень хорошо, что ты заговорила о... событиях, - неожиданно обрадовалась мама, - нечего тебе здесь делать, пора возвращаться в город. Тебе завтра на работу, надо отдохнуть и кое-какими хозяйственными делами заняться.

- Ты меня выгоняешь? – вскинула я брови и обиженно добавила, - не переживай, уеду на восьмичасовой электричке. Так что придется вам меня потерпеть еще какое-то время.

- Не болтай ерунды, - скривился папа, - ты знаешь, почему на твоём отъезде настаивает мать. Да и я – тоже.

- Я не собираюсь совать нос туда, куда меня не просят.

- Твои слова, да Богу в уши, - брякнул доселе молчавший Семен Иванович Горобец.

- Я могу хоть сейчас уехать, но моя машина, как вам известно, стоит в автосервисе, - театрально развела я руками. – Тебя, мой дорогой папочка, я не решусь просить отвезти меня в город на твоём драндулете. Уж, прости за прямоту.

Отец взглянул на меня без намека на обиду.

- Очень кстати в город направляется Семен. Семен, прихватишь Майю? – поинтересовалась мать и засуетилась, как будто заранее знала ответ.

Я не сдержалась и высказалась:

- Какой ваш будет положительный ответ?

Было от чего беситься: они заранее отрепетировали свои роли. И никакому Семену в никакой город совсем не нужно, он вчера там был и весь день провел с внучками.

- Конечно, отвезу, - расплылся в улыбке Семен, словно всю жизнь об этом мечтал и наконец его мечта сбывается.

- Мне жертвоприношения не нужны, - с недовольством заметила я.

- Майка, но мне и правда нужно в город кое-что купить по хозяйству, - глядя на меня честными глазами, изрек Горобец.

- Как я понимаю, вчера у вас такой возможности не было.

- Вот привязалась, - без возмущений изрек Семен, легко подхватился на ноги, как молодой парубок, и объявил, - через полчаса буду ждать тебя у ворот. Тебе хватит полчаса на сборы?

Мне оставалось только утвердительно кивнуть. Но на мой аппетит недовольство никак не отразилось.

Хорошо еще, что успела пообщаться с вернувшимся с рыбалки сыном. Вот он был искренне счастлив - поймал несколько карпов, пусть и небольшого размера, и только и говорил о своей рыбацкой удаче.

Везет Темке, у него начались долгие летние каникулы. А у меня работа... У меня постоянная работа мозга – кто и за что убил Рубахина, и куда подевался наш сосед. Может быть, к нему опять приезжала «Скорая» и госпитализировала его? Вряд ли, я чутко сплю, услышала бы разговоры и хлопанье автомобильных дверей. В любом случае, Винихин запер бы дверь, озаботился охраной своего жилища. И уж точно не стал бы мыть полы в комнате...

Весь путь до города мы обсуждали с дядей Семеном последние новости. Семен Горобец тоже склонялся именно к убийству. Я хотела заговорить об исчезнувшем Евгении Винихине, и о странностях в его доме, но передумала. Эх, если бы не вымытый пол и незапертая дверь, я бы с легкостью сделала Винихина убийцей и не замарачивалась на его счет: пусть следствие его ищет, привлекает... согласно букве закона.

Черт побери, опять мои «проделки», - подумала я и содрогнулась от своего косвенного участия. – Только бы он был жив. Пусть выносит нам мозги с переносом забора между садовыми участками, пусть нудит и изводит придирами, мы стерпим, не впервой...

- О чем задумалась, красавица? – поинтересовался Семен Горобец, тем самым оторвав от преждевременных умозаключений.

Я по-прежнему не стремилась раскрывать своих тайн, вернулась к покойному председателю.

- Как думаете, кто мог убить Рубахина? У следователя есть версии? - напряженным голосом спросила я, обняла себе двумя руками и уложила кисти рук на плечи. После чего пристроила на скрещенные руки подбородок – привычка у меня такая. В этот момент я похожу на обиженного бычка-малолетку, готового ринуться в бой.

Не знаю, о чем подумал Горобец, но уголок его рта поехал вверх. Думал, я так сосредоточена на своих мыслях и так жду его ответа, что не замечу ухмылки. Как бы не так – заметила и обиделась: вечно со мной, как с маленькой, никакой серьезности в обращении.

- Как ты понимаешь, я не вхожу в круг доверенных лиц следователя.

- А если это самоубийство? - зачем-то брякнула я, хотя, мы успели обсудить эту тему.

- Я же тебе сказал – судмедэксперт, который осматривал тело, без всяких колебаний заявил, что это убийство. Рубахина вначале задушили, а потом уже повесили, о чем можно судить по странгуляционной борозде - по следу от удавки или петли.

- Мне известно, что такое странгуляционная борозда, - насупившись, произнесла я.

Горобец искоса глянул на меня и снова вернулся к дороге. Машин на шоссе было мало – время неподходящее, вот ближе к вечеру машины будут ползти как объевшиеся тараканы. Однако автомобиль Горобца ехал медленно, как будто был звеном ползущей вереницы себе подобных, или у авто имелись проблемы с двигателем.

- Вообще-то я спешу! – выпалила я, - мне надо следовать ценным указаниям – отдохнуть перед трудовой неделей, затем заняться хозяйственными делами. Или сначала заняться делами, а потом отдохнуть – по моему усмотрению.

- Ну ты и язва, Майка, - напряженным голосом констатировал мужчина, без намека на удовольствие.

Я хорошо его знала, потому никак не могла понять его напряженного состояния. Ясное дело, не каждый день приходится видеть трупы, тем более трупы знакомых тебе людей, не каждый день приходится выступать в качестве понятого, но тут дело в чем-то другом. И мои родители выглядели как заговорщики. Хотели меня удалить, чтобы я куда-нибудь не влезла по причине излишнего любопытства, это как пить дать, но троицу в беседке что-то объединяло, и относились они... к тайне неоднозначно.

- Что-то еще произошло кроме смерти Рубахина? - не сдержалась я, немного растеряв недавние эмоции от непонимания происходящего.

- С чего ты взяла? - неискренно удивился мужчина.

- Я не люблю, когда отвечают вопросом на вопрос. Так что произошло еще? – вторично спросила я и одарила водителя требовательным взглядом.

Надо признать, что, несмотря на утренние волнения, выглядел Горобец собранно и молодо, как мужчина в прекрасном возрасте, стоящий на пороге грандиозного события, естественно радостного. Причину я не пыталась угадать, потому как сводила его хорошее настроение к скорой встрече с любимыми внуками. Но отвечать на мой вопрос он не спешил, собирался с мыслями, словно получил вопрос повышенной сложности, не входящий в его компетенцию.

Горобец завладел моим вниманием по причине своего состояниями, не поддающегося определению. Чтобы не привлекать внимание водителя с напряженной работой мысли, я нацепила на переносицу солнцезащитные

очки, ничуть его не удивив: все-таки лето, солнце, тепло, если не сказать - жарковато.

Делала вид, что смотрю прямо, а сама едва за получала косоглазие. Надо же как хорош собой! Никогда точно не скажешь, сколько ему лет. Если не знаешь, конечно. Я - знала, и всегда удивлялась: как в почти семьдесят можно выглядеть на пятьдесят? В крайнем случае - на пятьдесят пять, да и то в дни плохого самочувствия: Горобец страдал головными болями, у него были проблемы с сосудами головного мозга. Боли случались при перепадах атмосферного давления, никакие медикаменты не помогали. Как утверждал болящий – само пройдет, бессмысленно травиться химией.

Почему одни люди хорошо «сохраняются», а другие выглядят на свой возраст, а то и старше. Отчего это зависит? Он генетики? От образа жизни? От настроения? От отношения к происходящему, к окружающим?

Думаю – все вместе, одно дополняет другое.

Вот взять дядю Семена: сегодня утром он получил отрицательный заряд энергии, но сумел переключиться, выбросить из головы то, что ему мешает спокойно существовать дальше. Существовать – слово-то какое. Безжизненное слово, характерно для стариков, которым далеко за...

Горобец не существует, он живет и радуется каждому дню. Небось, утром просыпается, улыбается и говорит самому себе: «Привет, Семен! Как жизнь молодая? Хорошо? Вот и здорово!» И идет заниматься своими делами в прекрасном настроении. А как другие? Другие гундят и жалуются – там кольнуло, там стрельнуло. Уголки губ свисают вниз, в глазах грусть-тоска. А надо бы знать, что пессимизм ускоряет процессы старения организма, приближает конец.

Кому я сейчас мысленно прочла лекцию о правильном отношении к жизни? Себе, естественно! И как эта лекция на меня повлияла? Никак. Потому как с меня как с гуся вода. Взять хотя бы события сегодняшнего дня: расследование только началось, а из меня фонтанируют идеи, одна лучше другой. Какое я имею отношения к убитому председателю и к исчезнувшему Винихину? Никакого.

Впереди целых три месяца свободы. Естественно, мой сын всегда в моем сердце, в моей голове, но сейчас он под неусыпным контролем бабушки и дедушки, поэтому мне можно расслабиться и подумать о себе любимой.

Я постаралась отвлечься от ненужных проблем, уже представила себе пляж на черноморском побережье, себя в широкополой шляпе и ультрамодном купальнике, мужчин, провожающих меня взглядами...

- Майка, ты спишь, что ли?

Я так увлеклась мыслями о грядущей летней свободе, что пропустила слова Горобца, который до этого что-то говорил – отвечал на мой вопрос. Хороша же я - спросила и отключилась. А все почему? Хочется счастья и любви! И не «отпускной», недолговечной любви, а любви крепкой и настоящей. Мне стало неловко.

- Дядя Сеня, извините, я прослушала.

- Майка, называй меня по имени, я устал от твоих дядь Сеней.

Вот так новость, - подумала я, - он устал от «дядь Сеней», я уже боюсь того, что последует далее – предложение руки и сердца?

Напоминаю для тех, кто забыл: я фаталист, верю в судьбу – чему суждено случиться, того не миновать.

Допустим, сию минуту судьба в лице дяди Сени... Семена Горобца преподнесет мне сюрприз, и... что мне делать? Безропотно принять и пойти... за мужчиной как собачка на поводке?

Хочу ли я быть собачкой? Или хочу быть поводырем? Конечно, родители не устают меня поучать, но я прислушиваюсь к ним в редких случаях - своя голова на плечах. Свои проблемы я вообще стараюсь с ними не обсуждать, чтобы не волновать. А так хочется переложить на кого-то решение какой-то своей проблемы, что-то обсудить или просто молча посидеть рядышком на диване и испытывать при этом невероятное счастье.

Семен Горобец всегда был мне другом, настоящим, проверенным. Чаще с ним, чем с родителями, я делилась в детстве своим тайнами, в подростковом возрасте рассказывала о мальчиках, в которых была влюблена. Он всегда находил правильные слова, не поучал, не критиковал – был дипломатом.

Я к нему относилась как к родственнику дяде Сене. Но я его всегда ревновала. Как влюбленная девушка ревнует своего парня. Хм... Горобец - мой парень. Не смешно. Но и не грустно.

Я прозрела? Прозрела после ничего не значащей просьбы мужчины, которого знаю с рождения? И почему он сказал об этом только сейчас?

Что я себе придумываю? Возможно, после этой фразы ничего не последует, а уже строю замок из песка...

Я хочу продолжения? Или боюсь продолжения?

Я хочу больше, чем боюсь. Если кого-то и вижу рядом, то только Семена Горобца, он образец настоящего мужчины.

Пауза затянулась до неприличия. Я вся изнервничалась.

- Семен Иванович, - четко выговорила я, как будто страдала от «каши во рту», и тут же заинтересовалась, - так мне можно к вам обращаться?

- Лучше просто Семен и на «ты», - мягко улыбнулся он.

- С какой-то стати? – съязвила я, тем самым, подтолкнув мужчину к продолжению начатого.

- Майя, я сам не пойму, как так вышло и когда, но я... тебя полюбил. Естественно, я всегда тебя любил как любят родного человека, а потом всё изменилось. Долгое время пытался бороться, убеждал себя, что ошибаюсь, что всё это старческая блажь, но потом осознал – мое чувство самое что ни на есть настоящее. Я не могу без тебя жить. Я понимаю – разница в возрасте, я друг твоего отца, знаю тебя с рождения, и прежде чем тебе признаться, поговорил с твоими родителями...

- И как они к этому отнеслись? – облизнув сухие губы, спросила я, как будто от их ответа зависело мое решение. Напротив, я спросила об этом из любопытства – хотелось разобраться, знаю я своих родителей или нет.

- Мой друг Афанасий, твой отец, сказал, что давно обо всем догадался. И поделился своими соображениями с твоей матерью, и, как мне показалось, они были готовы к сложному разговору.

- Сложному? – хмуро переспросила я.

- Претендента на роль мужа для своей единственной дочери родители всегда оценивают критично, особенно – отцы, причем кем бы он ни был, даже старым проверенным другом. Мне было вдвойне тяжелее: или я приобретаю в их лице близких родственников, или теряю старых друзей...

- И что... они сказали? – перебила я.

- Они сказали, что всё зависит от тебя. Ни давить на тебя, ни отговаривать они не собираются.

Я облегченно выдохнула – все-таки я оказалась права.

- Я тоже не собираюсь на тебя давить. Я открыл тебе свое сердце, понимаю, тебе надо осмыслить. Но все же, я должен тебе сообщить: материально я тебе обеспечу, у меня есть кое-какие сбережения, к тому же скоро я получу наследство от покойного дяди, двоюродного брата моей матери, и, прости меня за откровенность, как мужчина я... еще вполне.

Пропустив мимо ушей слова о наследстве, я сконцентрировалась на последнем заявлении. Мне опять захотелось съязвить – кто об этом сказал? Очередная любовница или собственные выводы, ничем не подкрепленные, но все же я нашла в себе силы промолчать. Мне, вообще, не хотелось ничего говорить, не хотелось переварить-осмысливать. Мне кажется, я давно всё для себя решила, когда признание этого мужчины еще не прозвучало.

Я не знаю, чего мне сейчас хотелось больше – смеяться или плакать? Скорее – плакать. И слезы не заставили себя ждать.

Горобец свернул на обочину и остановился. Притянул меня к себе и чмокнул в макушку. Потом повернул к себе мое зареванное лицо, долго всматривался в глаза, после чего осторожно коснулся своими губами моих губ. Отпрянул и вновь заглянул в глаза. В его глазах пытал костер. Я не боялась сгореть в костре, подалась к мужчине, он впился губами в мои губы, я начала медленно умирать. Горобец целовал меня умело, я несмело отвечала. И вдруг неожиданно в голову вкралась мысль – правильно ли я поступаю? Не ошибаюсь ли я от отчаяния, от осточертевшего одиночества?

Я попыталась отключить мозги и раствориться в мужчине, но, увы, не смогла. Что-то меня терзало. Вероятно, мне нужно свыкнуться с переменой в наших отношениях. Как бы я себя не уверяла поначалу, что давно всё для себя решила – он и только он может быть рядом, все же услышанное свалилось на меня как снег среди ясного неба.

Новый статус наших отношений... Звучит по-идиотски...

Когда автомобиль остановился у моего дома, Семен первым покинул салон, помог выбраться мне и, не выпуская моей руки, повел к подъезду. Мы поднялись на лифте мой этаж. Я открыла ключом дверной замок, распахнула дверь и переступила порог. Я не знала что сказать. Семен всё понял по моим глазам. Он улыбнулся, попрощался и все-таки чуть задержался в ожидании каких-то слов с моей стороны.

- До свидания, - проямлила я, не оправдывая я ожиданий.

Горобец направился к лифту, я с превеликой осторожностью прикрыла входную дверь, как будто она была сделана из горного хрусталя. Привалилась к «хрустальной» двери спиной - новоприобретенная привычка - и задумалась: откуда появилось беспокойство? Я боюсь потерять друга, приобретя любовника, в котором я не уверена? Ни в его... способностях, нет-нет, я не знаю, как себя с ним вести. Почему-то в голову нагло втиснулось пугающее слово «инцест»: мы с Горобцом практически родственники, он мне как второй отец... На душе стало мерзко. Я попыталась перекрутить пленку назад, до его признаний, в итоге оказавшимися ненужными...

Не знаю, сколько бы я так простояла, если бы не телефонный звонок. Звонил мой однокурсник, который в настоящее время работал автомехаником.

- Майка, привет, можешь забирать свою тачку. Все в ажуре.

- Здорово! - чересчур обрадовалась я. - Когда я могу приехать?

- Хоть сейчас.

- Прекрасно, скоро буду.

А про себя добавила, - прекрасный повод отвлечься от дум.

Вызывала такси и поехала в автосервис.

После автосервиса долго колесила по городу, чтобы насладиться единением с любимым четырехколесным другом, с которым не виделась почти месяц. В голове было пусто, как в котелке после обеда большой семьи.

Домой вернулась уже затемно. Не зажигая электричества, бродила по комнатам, как воришка в поисках наживы. Мне казалось, что в темноте легче пережить главную новость дня, конечно, я не имею ввиду смерть председателя и исчезновение Винихина.

Все же пришлось включить свет в ванной, чтобы не свернуть себе шею. Но я старательно отводила взгляд от зеркала, словно с моим лицом было что-то не так, словно мой внешний облик мог напрочь испортить и без того шатковалкое настроение.

После душа я направилась на кухню. Нашла в шкафчике пачку печенья и смячила ее всю, сидя у окна. Мне очень хотелось, чтобы неожиданно появился Семен. Он бы стоял и смотрел на мои окна в надежде увидеть меня. И я бы в этот момент осознала, что это не прежний дядя Семен, понятный и надежный, это мой мужчина, который...

Ладно я обойдусь без продолжения?

На сегодня довольно головных поломок! Спать, спать. Завтра на работу...

Понедельник не всегда бывает тяжелым. Моя работоспособность зашкаливала и удивляла коллег. Потрудившись на славу и заслужив похвалу начальства, я с чувством глубокого удовлетворения покинула офис в положенное время.

Автомобиль ждал меня на парковке. День выдался жарким, почти как июльским, поэтому в салоне авто было безумно душно как в сауне. И присутствовал какой-то неприятный запах.

Сначала я включила кондиционер, потом выключила его и открыла окна. Ничего не помогало, вонь была невыносимой.

Я предположила, что в багажнике автомобиля затаился какой-то скоропортящийся продукт, выпавший из сумки после давнего визита в супермаркет. Но накануне вечером я никакого запаха не ощущала.

Пришлось ждать подходящего места для парковки. И оно нашлось на заправочной станции. Не доехав до привычного пункта «кормежки» машин, я остановилась, чтобы разобраться с возникшей проблемой.

Мое парящее настроение не может испортить странный запах, - с такой уверенностью я покинула салон и двинулась к багажнику. Даже пыталась что-то напевать, изрядно коверкав текст и мелодию.

Пение прервалось на полуслове, когда я распахнула багажник. Не могу охарактеризовать мое состояние одним словом, если только сленговым и

удобоваримым – ошарашивание. После такой находки впечатлительные дамочки обычно падают без чувств. Я не упала в обморок. Я стояла и смотрела на то, что лежало в багажнике моего автомобиля. Потом захлопнула крышку багажника и закрыла глаза. Некоторое время постояла слепым столбом, затем приоткрыла крышку, согнулась и заглянула в щель. Ничего не изменилось – труп Евгения Михайловича Винихина находился на неполюженном ему месте. Приблизив нос к багажнику, я «насладилась» запахом в полной мере, мои внутренности быстро отозвались и полезли наружу. С силой хлопнув крышкой, я принялась усердно дышать. После чего присела на бордюр и призадумалась.

Первое что мне пришло в голову - скрючившийся труп не мог быть нашим соседом по даче. У меня обман зрения. Я долго о нем думала, кажется, даже ночью мне снился Винихин. Он сидел на стуле и важно покачивал ногой, перекинутой на другой ноге. Потом со злостью сбросил тапок, болтавшейся на покачивающейся ноге, причем сбросил прицельно – чтобы угодить мне по физиономии. Стрелок промахнулся, я зашлась в крике, отчего и проснулась.

Нет бы приснился суженый-ряженный в лице Горобца... А лучше – кто-то другой, пока неузнанный.

- Черт бы побрал этого Винихина, - в сердцах проговорила я, старательно отводя взгляд от багажника своего любимого автомобиля. – Другого места не нашел, чтобы умереть.

Я сразу опомнилась: о чем я толкую?! В багажник Винихина поместили уже мертвого. А убили его в собственном доме, потому и следы уничтожили – тщательно вымыли пол в комнате, о чем я накануне и подумала... Меньше бы думала, другим бы легче жилось... Но я не желала соседу смерти... Согласно букве закона, согласно букве законы, - мысленно покривлялась я.

Я закрыла глаза. Какое-то время пребывала в слепом царстве, чтобы потом, открыв глаза, разработать свои дальнейшие действия, спокойно и без всегдашних эмоций.

Меня по-прежнему мутило, с закрытыми глазами – особенно. Поэтому пришлось открыть глаза. Солнце клонилось к закату. Дневная жара отступила.

Я попыталась размышлять здраво.

Я обнаружила у себя в багажнике труп Винихина... Это был он, без всяких сомнений... Как бы мне не хотелось по мановению волшебной палочки

избавиться от трупа, у меня ничего не выйдет. Конечно, можно переложить решение возникшей проблемы на чужие плечи – позвонить своей парочке-выручалочке, Семену Горобцу. Так бы я и поступила несколько дней назад. Сегодня меня что-то останавливает. Может быть, я боюсь непредсказуемых последствий? Ранее никогда не находила у себя трупов, поэтому не знала, как на этот раз поступит мужчина? Вдруг скажет: забудь наш вчерашний разговор, я тебя знать не знаю... Неужели я сомневаюсь в Семене? Это же Семен, друг, соратник и... возлюбленный в начале пути...

И все же звонить Горобцу я не стану. Своим предчувствиям я привыкла доверять.

Но я взялась за телефон и позвонила бывшему сокурснику, автослесарю, занимавшемуся моим автомобилем.

Я не бросилась в омут с головой – не заявила о своей находке, а вкрадчиво поинтересовалась у него, не находил ли он в моем багажнике паспорт, который мог выпасть из сумки. Я уже обыскалась, вот и подумала...

Сокурсник без тени сомнения заявил, что перед выдачей автомобиля в багажнике находилось только то, чему положено там находиться, ни тебе документов, ни каких-то ценных вещей. Бросился мне рассказывать о смешных случаях из собственной практики, но я его поблагодарила и отключилась. По крайней мере я выяснила, что накануне в багажнике не было никакого трупа. По городу колесила без него.

Можно подумать, я в этом сомневалась. Первое - отсутствие неприятного запаха, второе - Винихин исчез ранним утром воскресного дня. Или в ночь с субботы на воскресенье, что дела не меняет. В это время машина стояла в автосервисе.

Мне будто бы полегчало, скажем честно – сомнительно. Получается, труп в багажник подбросили ночью, на парковке у дома. Или днем, когда авто стоял на парковке у офиса, что маловероятно. Значит – ночью. Спрашивается, почему не сработала сигнализация?

Я снова потревожила приятеля.

Наплела про воровство из машины моей знакомой, нацелив внимание на тот факт, что машина стояла на сигнализации.

- Тоже мне, проблема, - хмыкнул специалист и спросил, о какой сигнализации идет речь.

Ответа у меня не было, тогда он поинтересовался маркой автомобиля.

- Старенький «Опель», - ляпнула я. У меня тоже «Опель», ему десять лет: для кого-то старичок, для меня вполне подходяще.

- Значит, на серьезную сигнализацию твоя подруга не тратилась, - заключил приятель. - Из чего следует вот что: некто стоял неподалеку с «код-граббером» и считывал код, когда твоя подруга ставила автомобиль за сигнализацию.

Мне не было дела до замысловатых специальных названий, смысл мне был ясен – автомобиль могли открыть, заранее считав код. Получается, кто-то решил переложить на меня вину и разработал некий план. Не знаю, что за первоначальный план у него был, но, завидев меня на своем автотранспорте, он его изменил.

Неужели преступник хотел подбросить труп Винихина в мою квартиру?!

Я ужаснулась. Хотя тот факт, что труп находится в багажнике тоже не фунт изюма.

Надо ехать в полицию... Других вариантов нет.

Вариант есть – уехать за город и сбросить труп в канаву. Или в лесок. Но... я одна не справлюсь, а привлекать кого-то не имею морального права.

Допустим, я попытаюсь избавиться от трупа. Где вероятность, что не влипну: именно этого убийца и ждет. Раз он задумал коварство, он будет следовать за мной по пятам, чтобы быть в курсе моих действий. Сгоряча я отправлюсь за город, чтобы избавиться от находки в багажнике, а он тут как тут и с фотиком в руках. Заснимет мои... противоправные действия, и предъявит в качестве доказательства моей вины. Скажет, стал случайным свидетелем... Что я вчера говорила о гражданской позиции? Так вот, его гражданская позиция велит ему бежать сломя голову в полицейский участок с доказательствами - на фото видны номера автомобиля, теперь остается самая малость – найти преступницу и задержать.

Я тревожно осмотрелась. Мимо меня проезжали машины, следуя на заправочную станцию. Некоторые водители предлагали свою помощь, я

только отмахивалась. Никаких подозрительных личностей или припаркованных неподалеку автомобилей не наблюдалось.

Продолжая восседать на бордюре, я сложила локти на коленях, как прилежная ученица на парте, потом спрятала лицо, чтобы никого не видеть и попытаться сосредоточиться, избавившись от эмоций. Здесь и раздумывать не надо – садись в машину и поезжай-ка ты, Маечка, в полицейский участок. Другого выхода нет, а время играет против тебя.

Несмотря на это, я продолжала сидеть в позе «ничего не вижу, ничего не слышу». Но моя отрешенность все же позволила прорваться чужому голосу, отдаленно знакомому.

- Девушка, как плохо?

Я отпечтала лоб от рук и непонимающим взглядом уставилась на машину «Скорой помощи». Пока я вспоминала, откуда знаю пассажира, он узнал меня первым, хотя, мы виделись один раз и при искажающем уличном освещении.

- Привет! - сказал он и опять мне подмигнул, как в нашу первую встречу.

- Здравствуй, доктор Айболит, - неживым голосом пробормотала я.

- Как поживает ваш сосед? Винихин Евгений Михайлович, кажется, я не ошибся.

- Не ошиблись, - выдохнула я и прикусила язык, чтобы не проболтаться. Но очень хотелось с кем-то поделиться.

Медик выпрыгнул из машины. Только сейчас я заметила, что он без привычной для него спецодежды. На нем были модные джинсы и рубашка-поло синего цвета как его глаза. Легкая небритость очень ему шла. Я опустила глаза и сосредоточилась на его мокасинах, мягких и удобных.

- А у меня закончилось дежурство, - доложил он.

Я оторвала взгляд от его обуви и оценила его счастливое улыбающееся лицо. В детстве мы в таких случаях говорили: завидки берут. Как не завидовать его беспечности, свободе и простому человеческому счастью.

У человека нет больших проблем, малые – не в счет, без проблем живут одни сумасшедшие, дежурство закончилось, сейчас рванет в своей семье, они

будут ужинать и обсуждать пройденный день, потом сядут смотреть телевизор... И никаких тебе трупов в багажнике.

- С вами явно что-то не так, - прицепился доктор.

- Как вас зовут? – требовательно спросила я.

- Мефодий Жигалкин, - ответил мужчина.

- Знаете что, Мефодий...

- Можете называть меня Федей. Мне так привычнее.

- Мне без разницы – Федя вы, Мефодий или Сильвестр без Сталлоне, - печально протянула я. - Идите-ка... куда шли... Куда ехали, туда и езжайте.

- Мефодий Лукич, вас ждать? – задал вопрос пожилой водитель из «Скорой».

- Езжай, Василич, я сам доберусь.

Василич направил автомобиль к заправке. Мефодий Лукич присел рядом со мной на бордюр.

Вот привязался! – мысленно возмутилась я, не желая принять того факта, что в его присутствии мне стало гораздо легче, словно часть груза он перенес на себя. Показалось, что запах улетучился. Нет, запах есть. Что обо мне подумает мужчина? Что ежедневные водные процедуры не входят в число моих пристрастий. И я бы так подумала, подсев к человеку и ощутив неприятный запах... Он решит, что я бомжую, что кроме автомобиля у меня ничего нет, и за городом я оказалась случайно, в поисках приключений... Сейчас застыла здесь в позе мыслителя с одной целью - чтобы кто-то ссудил мне денежек на бензин для моего передвижного дома.

Жигалкин поводит носом, но ничего не сказал, не отодвинулся. Я напряглась, судорожно размышляя, как поступить. Вскочить с бордюра, бросить к автомобилю и умчаться, я посчитала неправильным.

- Мне очень хочется вам помочь, - тихо проговорил он.

- Неужели сегодня день всемирной помощи?! А я и не знала.

- Перестаньте, я вижу, что у вас что-то стряслось.

- Я напоминаю вам старуху, которая сидит у разбитого корыта и размышляет над новым испытанием для своей второй половины?

- Вы шутите, это уже неплохо.

- Вы мешаете мне... сидеть. Я привыкла к одиночеству, - продолжала я нести полную околесицу. Лучше мне помолчать. Ему надоест, и он отчалит.

Ему не надоело мое молчание, он не отчалил.

- Надо быть полным кретином, чтобы не догадаться, что произошло что-то из ряда вон, с ничем подобным вам сталкиваться не приходилось, отсюда и ступор, - высказался догадливый мужчина.

- Вас жена заждалась. Макароны стынут.

- Почему макароны? – хмыкнул Мефодий Лукич.

- Пусть не макароны, пусть будет борщ. Дело ведь не в еде, дело в заждавшейся жене.

- Вы хотите узнать, женат ли я? Нет, не женат. За моим признанием должно следовать ваше.

- Торг здесь неуместен.

- Я все равно не уйду. Я же вижу – вам хочется открыть душу. Снять груз.

Он читал мои мысли, неожиданно для себя я обмолвилась:

- Дело в вашем недавнем пациенте.

- Ему стало хуже? Он жив?

- Ему стало совсем худо, - ляпнула я и на этом заявлении не остановилась. - Поэтому он... оказался в багажнике моего автомобиля. Каким образом, не спрашивайте – я не знаю. Я его обнаружила по дороге домой, когда почувствовала неприятный запах. Остановила машину, решила проверить. Открыла багажник...

Мефодий Жигалкин, недолго думая, подошел к моему автомобилю и без раздумий заглянул в багажник. Никакого испуга или удивления на его лице не обозначилось, можно подумать, он каждый день сталкивается с нечто подобным. Трупы в его практике бывают, как без этого, но в багажнике у молодых женщин - это совсем другое. Из ряда вон, как он сам выразился, еще не узнав всей правды.

Мефодий вернулся и опустил на прежнее место рядом со мной на бордюре.

- Могу сказать пока только приблизительно, что труп не более двух суток. Следовательно, смерть Винихина могла наступить в ту ночь, когда мы приезжали на вызов. Причем смерть насильственная.
- Когда вы уехали, он выходил во двор. Послonyaлся и вернулся в дом. Мы тоже разошлись. Утром мы узнали, что произошла трагедия с другим нашим соседом по даче, с Валентином Рубахиным, он был председателем нашего садового товарищества. Я решила навестить Евгения Михайловича Винихина, но его дома не оказалось. И никто его не видел. Я предположила, что он... что Винихина постигла та же участь, что и нашего председателя. Мне пришлось вернуться в город. Утром я поехала на работу, в машине не ощутила никакого запаха, а вечером... Дальше вы знаете. Я думаю, обоих мужчин убил один и тот же человек. Он хотел пустить следствие по ложному следу – чтобы Винихина обвинили в убийстве председателя.
- Но преступник мог закопать труп Евгения Винихина в лесополосе, и его никогда бы не нашли. Вы правильно заметили - Винихина посчитали бы убийцей: якобы он догадался, что рано или поздно следствие выйдет на него, и не нашел ничего лучше, как сбежать, раствориться на просторах нашей необъятной Родины. Но преступник поступил иначе – подбросил труп в багажник вашего автомобиля. Почему он так поступил? Чем вы ему насолили? И почему его выбор пал на вашего соседа Винихина, а не на кого-то еще?
- У нашей семьи долгоиграющие судебные тяжбы с соседом по поводу земли.
– Я непроизвольно качнула головой в сторону багажника.
- Винихин якобы убил председателя, вы якобы убили Винихина, чтобы положить конец судебной тяжбе. Но это полная ерунда, согласитесь.
- Я-то согласна, но что на это скажет следователь. Вдруг дело ведет какой-нибудь лентяй, которому хочется поскорее закрыть уголовное дело. Он не будет особо разбираться.
- Вам нужен хороший адвокат.
- Ага, приеду я в полицию с трупом и с адвокатом, что сразу подтвердит мою причастность...
- Сразу видно, что в «делах порочащих» вы никогда замешаны не были, - убедительно заявил Жигалкин.

- Плохо вы меня знаете. Будет время, я вам всё расскажу о себе без утайки. Занимательный рассказ получится, вы уж мне поверьте. Но сразу успокою – убивать мне не доводилось.

- Для начала я позвоню своему другу, он практикующий адвокат, адвокат с именем, а пока он к нам едет, вы мне расскажете о себе, заодно и отвлечетесь...

Я не стала отнекиваться, начала с самого детства, с детского сада, и закончила недавними событиями. Говорила быстро и без эмоций – только факты.

- Это всего лишь совпадения! - выпалил Мефодий. – Так что не забивайте себе голову. Каждый день повторяйте – это всего лишь совпадения, я не имею отношения к трагическим случайностям с моими знакомыми. Вы меня поняли?

- Поняла, доктор.

- Вот и славненько.

Потом прибыл адвокат. Жигалкин слегка присочинил, называя его другом. Адвокатом оказался отец Мефодия, Лука Мефодьевич Жигалкин. Это был седовласый пожилой далеко за шестьдесят, с военной выправкой, высокий, с умными понимающими глазами.

Он поговорил со мной, кому-то позвонил. Вскоре прибыла следственная группа. Меня допросили. Жигалкин-старший не отходил от меня ни на шаг. Затем мы все вместе отправились в следственное управление, где меня снова допросили, теперь уже под протокол. После чего отпустили, даже без подписки о невыезде во время следствия.

Мой автомобиль продолжили изучать криминалисты, а мы с Мефодием сели в машину к его отцу. Жигалкины довезли меня до дома. Оба покинули салон и проводили до подъезда. Прощаясь, Лука Мефодьевич сказал то, чего я никак не ожидала от него услышать.

- Майя, вы с моим сыном будет отличной парой. – И как ни в чем не было обратился к тому самому сыну, - Федя, проводи девушку.

Мы как два неразумных существа потопали к лифту. В лифте я опомнилась и обратилась к Мефодию с немым вопросом, почему-то заранее зная, что меня поймут.

- Мой отец – прорицатель. Причем он заранее не выстраивает никаких речей, фраза неожиданно вылетает из него и становится пророческой.

- На этот раз он ошибся...

- Поживем - увидим.

- Вот из меня тоже фраза вылетает и... получается то, что получается.

- Майя, мы же с вами обо всем договорились.

- Буду стараться!

Мы подошли к дверям моей квартиры.

- На чай не приглашаю, - брякнула я.

- А на борщ? – вспомнил он. - Я ужасно голоден. С утра маковой росинки во рту не было.

- У меня... нет борща, - замороженно глядя на мужчину, как будто он был гипнотизером, а я – подопытным кроликом, произнесла я.

- Вообще ничего нет в холодильнике? – уточнил он голосом, похожим на голос сладкоежки Карлсона, живущего на крыше.

- Обязательно что-то найдется, - неожиданно обнадежила я голодного гостя...

Утром я проснулась в полной уверенности, что Лука Жигалкин все-таки оказался прорицателем. Под утро Мефодий сделал мне предложение, и я сразу согласилась.

Потом весь день переживала. Но не сомневалась в правильности своего поступка, я думала о Семене Горобце. Мой отказ нанесет ему болезненный удар. Справится ли он с ним?

Рабочий день прошел из рук вон плохо. Я только все портила и ловила на себе укоризненные взгляды. До работы ли мне было, когда я сочиняла прощальную речь для своего давнего друга, не успевшего перейти в новый статус.

Для меня он так и остался дядей Сеней, с моей стороны не было ответного чувства: потеряв всякую надежду на личное счастье, устав от одиночества, я

пошла на этот шаг. Но запоздало поняла, какую громадную ошибку совершила – обнадежила хорошего человека. И ни Мефодий тому причина.

Весь вечер я пыталась дозвониться Горобцу, но безрезультатно. С родителями я болтала по телефону еще днем, их приятеля мы не обсуждали, как и воскресный разговор в беседке, что явилось для меня весьма подозрительным – все-таки мама должна была узнать, чем всё закончилось.

Поздно вечером я не сдержалась и опять позвонила маме. Сразу предупредила, что у меня все хорошо – чтобы она не разволновалась. И спросила о Семене – не появлялся ли он, не звонил ли.

- Нет, – ответила мама и спросила, - а почему ты интересуешься? Что-то случилось?

- Не знаю, но Семен не отвечает на звонки.

- С каких это пор он стал для тебя Семеном? - удивилась мать.

- С... с воскресенья, - поперхнулась я, - когда мы откровенно поговорили.

- О чем вы поговорили? – напряженным голосом поинтересовалась она.

- Как это о чем? О нас! Он мне признался в любви, я сначала удивилась, потом подумала – почему бы и нет, но вчера кое-что произошло, поэтому я хочу поговорить с Семеном и все ему объяснить. Надеюсь, он все правильно поймет. Раз он меня любит, то...

- Майя, я ничего не понимаю! Кто любит, кого любит? Ты можешь мне нормально объяснить?

- Мам, - выдержав паузу, вступила я, - разве Семен Горобец вам с отцом не сказал, что хочет открыть мне свои чувства, а вы разве не говорили, что решение будет исходить от меня.

- Да не было ничего такого! Кроме смерти Рубахина мы ни о чем другом не говорили. Потому и отправили тебя в город, чтобы ты куда-нибудь не влипла.

- Я подумала, вы специально меня усадили в машину Семена, чтобы мы остались вдвоем и поговорили.

- Майка, ты меня пугаешь.

Кто-то позвонил в домофон.

- Мам, ко мне пришли, я потом перезвоню.

- Майя, погоди, - успела сказать она, – я хочу знать, кто к тебе пришел? И почему в такой поздний час?

- Мама, тебе напомнить, сколько мне лет?! Я должна держать отчет?!

- Будешь держать отчет до тех пор, пока мы не передадим тебя в руки надежного мужчины.

Эту фразу я слушала миллион раз, и всегда отвечала одинаково: где найти этого надежного?! Но ни в этот раз.

- Данное событие не заставит себя долго ждать. Кажется, я скоро выхожу замуж. Всё, больше говорить не могу.

Я не думала, что заявись пропажа – Семен Горобец. Я была уверена – это Мефодий. Так и вышло.

Мой возлюбленный переступил порог и заключил меня в объятия.

- Я тебя не ждала, ты говорил, что с утра выходишь на сутки, - проблеяла я из-под его подмышки.

- Сейчас проверю все углы, и, если найду соперника, тотчас зарежу его скальпелем.

- Может, стоит передумать выходить за тебя замуж? Пока есть еще такая возможность.

- Только попробуй.

- Звучит угрожающе.

- Майка, я тебя люблю. Вовсе не хотел жениться, думал, так и останусь закоренелым холостяком, и вот, пожалуйста...

Мы долго целовались. Сначала в прихожей, потом на кухне, незаметно переместились в спальню...

- Тебе нужно поспать перед дежурством, - сказала я на рассвете.

- Мне совсем не хочется... Слушай, я совсем забыл, зачем к тебе пришел, - опомнился Мефодий.

- Ты ко мне пришел... по делу?

- И по делу тоже. Полицейские задержали убийцу Рубахина и Винихина.
- Задержали? – хриплым голосом переспросила я, вдруг осознав, чью фамилия услышу.
- Преступником оказался гражданин Горобец Семен Иванович. Тебе он знаком? - Не знаю, что у меня было написано на лице, но Мефодий спросил, - неужели это тот мужик, с которым я тебя видел тем субботним вечером?
- Да, это он, - промямлила я.
- Мне показалось, у вас вполне дружеские отношения.
- Дружественнее не бывает, - обронила я с неуместной иронией.
- Этот, так называемый, друг подбросил тебе труп Винихина в багажник автомобиля. Что между вами произошло?
- Я не успела ответить, в глазах потемнело, сознание отключилось...
- Когда я открыла глаза, в окно заглядывало утреннее солнце и дразнило.
- Ты опоздал на работу? - спросила я у Мефодия, сидящего рядом.
- Я взял отгул.
- В дверь позвонили, потом заскребли ключом в замочной скважине.
- Кто бы это мог быть? – поднимаясь, спросил мужчина.
- Наверное, мои родители. Предупреждают звонком о своем приходе. Сейчас разволнуются, когда увидят меня в таком состоянии.
- Ты выглядишь прекрасно, - приврал Мефодий. Было заметно, что он взволнован.
- В комнату ввалились родители с моим сыном. Они удивленно воззрились на незнакомого мужчину, после чего обратились ко мне с немым вопросом.
- Здравствуйте, - поздоровался Жигалкин, пока мы переглядывались.
- Познакомьтесь, это Мефодий, мы собираемся пожениться, - слабым, но уверенным голосом сказала я.
- Приятно познакомиться, - недружным хором сказали родители, а сын промолчал.
- Это мама, это папа, это мой сын Артем, - перечислила я.

- Ты вчера говорила загадками, поэтому мы с утра поспешили в город, чтобы застать тебя до ухода на работу, - не спуская глаз с моего жениха, сообщила мама.

Отец подошел к будущему зятю, протянул руку для рукопожатия и представился. За ним последовал мой взрослый сын. Мама тоже соизволила назвать свое имя. И тут же возмутилась:

- Мне может кто-нибудь объяснить, что происходит?!

- Я постараюсь вам все объяснить, - вступил Мефодий.

- Что с нашей дочерью? - потребовала ответа мама, не желая отдавать инициативу какому-то типу, вдруг появившемуся ниоткуда. Она догадалась, что накануне речь шла о нем: якобы у дочери грянут перемены в жизни, и эти перемены связаны с авантюристом, втершимся ей в доверие. Сейчас он начнет охмурять будущих родственников, вовлекая в свои сети – сети брачного афериста.

- Со мной уже все хорошо, - успокоила я любящую и любимую мать и все-таки осуждающе взглянула на нее. После чего обратилась к Мефодию, - мы все во внимании, нам не терпится узнать правду.

Сначала Жигалкин кратко пересказал то, что услышал от меня – о моем разговоре с Семеном Горобцом в машине по пути в город. Родители удивленно переглянулись, мама вознамерилась о чем-то спросить, но я приложила указательный палец к губам, и кивком попросила мужчину-рассказчика продолжить. Он без красок, сухо и тактично, поведал о находке в багажнике, вскользь коснулся темы нашей случайной встречи возле бензозаправки и помощи безымянного адвоката и быстро добрался до того момента, после которого я отключилась - задержание подозреваемого в убийстве двух человек.

- Я не могу в это поверить? – воскликнула мама, - наш Семен – убийца?! Вы что-то путаете, молодой человек.

- Молодого человека зовут Мефодием, и он ничего не путает, - не удержалась я от реплики.

- Иногда подобное случается – знаешь человека всю сознательную жизнь, а потом осознаешь, что совершенно его не знал, - философски заключил отец и продолжил, - во время учебы в университете была одна темная история.

Семена подозревали в убийстве нашего сокурсника, но у него оказалось алиби: одна девушка заявила, что он весь вечер и всю ночь провел с ней. Я засомневался: эта девушка была влюблена в него как кошка, поэтому могла сострять липовое алиби. Семен был первым подозреваемым: с погибшим у них случился затянувшийся конфликт, родившийся на пустом месте. О чем-то заспорили, потом каждый из них тянул пальму первенства на себя, предполагаю, что в очередное выяснение отношений Семен вышел из себя и ударил противника по голове первым подвернувшимся под руку тяжелым предметом. В данном случае это был камень. Но Семен был на хорошем счету у преподавательского состава, от института было направлено ходатайство в прокуратуру, приложена отличная характеристика, опять же алиби...

- Пап, получается того парня убил Горобец? – уточнила я. – Или нашли настоящего убийцу?

- Убийцу не нашли. Я пытался узнать правду у Семена, но он все отрицал.

- Как он при этом выглядел? Ты ведь его знаешь лучше, чем кто-то другой.

- Как выглядел?.. В его глазах был страх. Это подтверждение его участия в убийстве?

- Думаю, да.

- Значит, девушка состряпала ему липовое алиби и, вероятное всего, что-то потребовала взамен, - продолжила я диалог с отцом при молчаливом участии остальных. – Семен ответил девушке взаимностью?

- Ну, они какое-то время встречались... Месяца два до нового года. Потом она уехала на праздники домой к родителям и не вернулась к началу зимней сессии. Вскоре мы узнали, что девушка погибла.

- Как это случилось?

- Ужасная смерть – она упала на железнодорожные пути. Причем трагедия произошла в нашем городе.

- На нашем железнодорожном вокзале?

- Да. Она стояла на краю платформы в ожидании прибытия поезда, в суматохе ее кто-то случайно толкнул, она упала на рельсы...

- Кто-то, - хмыкнула я. – Случайно.

- Мне очень интересно, где в тот момент находился твой приятель?
- Он весь вечер провел дома со своей матушкой.
- Она это подтвердила?
- Конечно.
- Разве показания близких родственников берут во внимание?
- Была еще соседка, она к ним заходила и видела идиллическую картину – сын читал матери вслух роман Достоевского...
- Чокнуться можно! Пап, ты беседовал с мадам Горобец? Только не говори, что в твою голову не закрались подозрения в участии Семена в трагическом происшествии на вокзале.
- Ада Ильинична призналась, что страдает от бессонницы, а в тот вечер неожиданно уснула под приятный голос сына и проспала до самого утра прямо на диване в гостиной. Сын не решился ее будить.
- Кстати пришла соседка, кстати заснула Ада, страдавшая от бессонницы. Или сын влил ей в чай лошадиную дозу снотворного, мать уснула, а он поспешил за вокзал. Он знал, каким поездом и в какое время уезжает его возлюбленная.
- Всю жизнь Семен безответно любил только одну женщину, - взяв паузу на раздумье, наконец признался отец и выразительно посмотрел на свою супругу.
- Да, ладно, - отмахнулась как наваждения я. И протянула с удивлением, - ты так спокойно об этом говоришь?! Неужели все это правда? - Мне никто не ответил. Родители старательно отводили глаза, как будто чувствовали за собой вину. – Если под маской порядочного человека скрывался убийца, то почему бы не побеспокоиться о себе, пап, ведь Семен мог убрать с дороги соперника. Ему без разницы, кто перед ним – друг или близкий родственник.
- Но у меня нет прямых доказательств его вины в двух преступлениях, одни домысли и предположения.
- Ты не хотел верить в виновность друга, ты и не верил. И пытался обо всем забыть до той поры, пока второе «я» Семена - безжалостный убийца снова не вылез из шкуры порядочного человека.
- Вполне вероятно. Именно сегодня нахлынули воспоминания.

- Первый раз он убил сокурсника в состоянии аффекта, случайно, второй – умышленно: девушка его шантажировала, грозилась рассказать о липовом алиби. Что заставило Горобца пойти на преступления сейчас?

- Жажда обогащения, - сразу ответил Мефодий. Подумав, добавил, - и любовь. Рассчитывал завоевать сердце любимой золотыми горами.

Мама заерзала на стуле и решилась заговорить:

- Семену было известно, что я Афанасия ни на кого не променяю. Никогда и ни за что!

- Это всем известно! – с гордостью за своих любящих родителей заявила я. – Тем более, столько лет прошло. Горобец мог расстаться со своими мечтами.

- Как сказать, - обмолвилась неопределенно мама. Мы дружно обратили на нее взоры. Пришлось ей колотиться. - Недавно Семен мне признался, что продолжает ждать и надеяться, что мой муж рано или поздно умрет, и тогда я стану принадлежать ему. На что я... стукнула его сковородой по голове, жаль, сковородка была легкой - специальная для блинов, а то не обошлось бы не увечий. Мужу я ничего не сказала. И зачем? У Семена была навязчивая идея, с которой он не собирался расставаться. Но я никак не предполагала, что дело дойдет до подлой мести. И не кому-то, а нашей дочери – хотел морально убить нас одним ударом.

- Вот почему он подбросил труп Винихина в мой багажник, - протянула я. Опустила ноги с кровати и села. Голова закружилась, мебель начала вращаться. Я попыталась сфокусировать зрение на своем сыне, зорко следящим за моими потугами. Чтобы отвлечь внимание от своей персоны, со злостью проговорила, – надо было не дружбу водить с этой сволочью, я выгнать его из дома взащей и забыть о его существовании. Мам, ну почему ты не рассказала обо всем папе?!

- Не хотела его волновать.

- Ты не хотела волновать папу, папа не хотел волновать тебя, в итоге... в итоге всё могло закончиться для нас всех плачевно.

- Для нас все позади, - поспешно вставил Мефодий. - Маечка, тебе нужно соблюдать постельный режим. Мне удалось медикаментозно поднять тебе кровяное давление, то пока тебе рано бегать и прыгать, это я тебе как врач говорю.

- Вы доктор? – вскинула брови мама. В ее взгляде исчезло пренебрежение, появилась заинтересованность.
- Да, я врач, работаю на «Скорой».
- Давайте отложим консультации у врача, тем более, наш врач еще не сказал самого главного – зачем Горобец убил двух человек, - пресекла я. – Мефодий, ты что-то говорил про жажду обогащения? Каким же способом Семен решил разбогатеть? И какое отношение к этому имеют Рубахин и Винихин?
- «Собака зарыта» в прошлом. Все участники этой трагедии – Горобец, Рубахин и Винихин - работали на химическом заводе, на разных должностях.
- Это нам известно, мы с Афанасием тоже работали на этом заводе, - перебила мать.
- Да-да, - вставил отец, - Семен руководил сварочным цехом, я заведовал химической лабораторией, Рубахин работал сварщиком-сборщиком, а Винихин был профсоюзным лидером.
- Именно так, - кивнул Мефодий.
- Горобец мне рассказывал, что скоро он должен получить наследство от покойного двоюродного брата матери, - не дала я продолжить, выказав свою осведомленность.
- Соврал, естественно. Горобец долго думал, как разбогатеть и вспомнил, что в советское время не было особо учета и контроля за отходами производства. В цехе, которым он руководил, изготавливали технологические катализаторные сетки из очень ценного материала – из родия. Как-то из отходов производства выточили болты и гайки и применили их в качестве крепежного материала для сборки обычных стульев для профсоюзного кабинета. В девяностых годах стулья разошлись по рукам работников предприятия. Горобец вычислил тех, кто мог взять стулья. Не знаю, откуда у него воровские навыки, но он без труда проникал в чужие квартиры и похищал стулья. Чтобы «перевести стрелки», в одной из квартир оставил улику. Что за улика, не знаю, но она привела следствие к Винихину. Тот сложил два и два и подумал о Рубахине, который...
- Выточил крепежный материал для стульев, - договорила я.
- Выточил и что-то знал такого, чего не знал Винихин. Вот он и пошел к Рубахину для разговора. Именно Рубахин некоторое время назад выдурил у

него стулья из профкома. Винихин отдал стулья без сожаления. Только после разговора с полицией он задумался: что не так со стульями. Винихина выследил Горобец. Предполагаю, что он хотел от него избавиться до визита к Рубахину, что что-то ему помешало.

- Или кто-то, - еле слышно промолвила я, потупив взор.

- После ухода Винихина от вашего председателя к нему нагрянул Горобец. Он задушил хозяина, представил всё, как самоубийство, забрал имеющиеся у него стулья, после чего нанес визит любознательному Винихину – хотел закрыть ему рот. Тело Винихина погрузил в багажник своего автомобиля, чтобы со спокойной душой вывезти из садового товарищества и избавиться. Но ему навязали, уж прости меня, Майя, тебя. По дороге у него созрел план мести супружеской паре Мухоморовых. Он наболтал Майе о своей большой любви, заодно прикрыл себя – разве влюбленный мужчина способен на подлый поступок?

- Получается, когда мы ехали в город, труп Винихина находился в багажнике автомобиля, - ошалело протянула я и передернулась.

Присутствующие принялись меня успокаивать, но я остановила речевой поток выставленной ладонью. Все разом смолкли, ожидая продолжения.

- Горобцу не понадобился никакой «код-граббер», у него были запасные ключи от замка моего автомобиля, - вспомнила я. – Думаю, он за мной следил, раздумывал, как бы половчее подкинуть мне труп в квартиру. И тут заметил, как я выхожу из подъезда и сажусь в такси. Он поехал за мной. Видел, как я забирала машину из автосервиса... Я в шоке: как можно ТАК ошибаться в людях?!

- Если тебя, дочь, это успокоит – мы все ошибались в Семене, - устало пробормотал отец. – Я тоже, в некотором степени, виноват.

- Ладно, папа, чего уж там, - вздохнула я. – И все равно мне не все ясно: из-за какого-то там родия, какого-то отхода производства, вот так просто взять и убить двух человек! Уму непостижимо!

- Какого-то! Да будет тебе известно, моя дорогая дочь, что родий ценится дороже золота, - сообщил папа и тут же добавил, - однако, это не повод обрывать чужие жизни.

- Горобец рассчитывал получить не меньше двадцати тысяч долларов, - подхватил Мефодий.
- Сколько? – спросили мы с мамой хором...

Заключение.

Прошло три месяца.

Вместе с пробуждением пришло осознание того, что произошедшее вчера мне не приснилось, всё произошло наяву. Странно, но накануне я приняла новость за шутку, несмотря на то, что человек, ее озвучивший, шутить не привык по роду своей серьезной профессии.

Я села на кровати «в обнимку со своим осознанием» и не нашла ничего лучше, как всплакнуть. Недолго и беззвучно. Придушенный плач плавно перешел в истерический смех. Слезы – от рыданий и хохота – были с жестким усердием вытерты ладонями. Я взяла с прикроватной тумбочки журнал и принялась им обмахиваться. После чего решила выйти во двор.

Моим глазам предстала привычная картина мещанского быта: на столе стоит самовар, домочадцы пьют чай с вареньем и баранками.

Я робко поздоровалась, как будто была просителем в официальном учреждении. Родители и мой сын дружно мне ответили и с неким опасением воззрились на меня – судя по моему виду и странному поведению приготовились выслушать неожиданное заявление. Так я и хотела поступить, появляясь на пороге, но передумала по неизвестной причине: все-таки неуверенность пока не ушла бесследно.

Я натянуто улыбнулась, села за стол и налила себе чаю из электрического самовара.

- Майя, ты выглядишь нездоровой, - не сдержался папа.
- Доченька, ты плакала? – спросила взволнованная мама. – Что-то случилось? Тебя обидел Мефодий?
- А тебе этого очень бы хотелось, - разозлилась я.
- Ты не права, Мефодий мне нравится, я буду только рада, если...
- Mam, давай сменим тему, - пресекла я дальнейшие рассуждения.

- И все-таки он тебя чем-то обидел, - нахмурился Темка.
- Родные мои, у меня все хорошо! – заверила я всех и мысленно добавила: «Наверное».

Калитка скрипнула и появился недавний «обвиняемый во всех смертных грехах». У него закончилось дежурство, он обещал мне приехать за город ближе к вечеру, после того как выспится. Но он заявился с утра. На это я не рассчитывала: хотела всё хорошенько обдумать, подготовить речь...

- Всем доброе утро! – поприветствовал нас Мефодий. Приблизился, чмокнул меня в щеку, заглянул в глаза и спросил, - Маечка, что-то не так?

- Вот и мы говорим, что что-то не так, - вставила мама и обиженно поджала губы, как будто я не оправдала ее ожиданий.

- Недосказанность хуже горькой правды, - рассудил отец, призывно поглядывая на меня.

- Я же сказала... - начала я и осеклась. Вполне себе подходящий момент для признаний. И решилась, - действительно, кое-что произошло.

- Мне уже страшно! – падая на стул, брякнул Мефодий.

- Бояться будешь потом, - плотоядно улыбаясь, обнадежила я.

- Ты встретила другого мужчину и полюбила его, - замороженно переводя взгляд с меня на Мефодия, проговорил мой сын.

- Откуда ты набрался плаксивых штампов?! – возмутилась я.

- Так говорят в бабушкиных сериалах, мне приходится это слушать.

- Артем, дай матери высказаться! – возмутилась бабуля.

Игнорируя других участников оживленного разговора, я обратилась к Мефодию Жигалкину:

- Федя, у меня появился катализатор для нашего бракосочетания.

- Ты так говоришь, что можно подумать – я отказываюсь на тебе жениться! Я всегда готов, как пионер.

- Ага, готов! Но почему-то всегда находишь причину для отсрочки!

- Мефодий привык жить один, и ты должна это понять, - встрял мой умный мальчик. – Мефодию сложно смириться с тем, что ты постоянно будешь мелькать у него перед глазами.

- Во-первых, не только я, но и ты будешь мелькать – мы с тобой одно целое. Во-вторых, мне кажется или ты действительно этим летом слишком много времени провел у телевизора?

- Если погода была дождливой, что мне еще оставалось делать?!

- Читать книги!

- Я читал!

- Погоди, о чем вы сейчас! – вмешалась мама и вернула разговор в прежнее русло. – Майя, ты говорила о катализаторе. Что является ускорителем вашей свадьбы?

- Бабуля, странно, что ты еще не догадалась, - хмыкнул Темка. – Лично я сразу все понял – мама ждет ребенка. Да, мам?

- Да, Темочка, - ответила я. Из глаз прыснули слезы. – И не надо... не надо мне говорить про возраст...

Я боялась поднять глаза на Мефодия. Он издевательски молчал. Тишину разбавил мой сын:

- Ура! У меня будет младший брат!

- Или младшая сестра, - шмыгая носом, сказала я.

- Сестра? Ладно, пусть будет сестра.

- Мефодий, почему ты никак не реагируешь? – не выдержала я и наконец посмотрела на него.

Он сидел с каменным лицом. Глаза наполнялись слезами, в итоге влага вышла из берегов.

- Надеюсь, это слезы счастья, - еле слышно проговорила я, дабы убедить в первую очередь себя. И успокоить.

- Я... уже не надеялся стать отцом. Я не могу поверить... Майка, ты... правду сказала?

- Разве таким вещами шутят? - риторически ответила я и облегченно выдохнула.

Федя тотчас встрепенулся – ожил и забегал по садовому участку, как заведенная игрушка. Мы следили за ним и улыбались. Наконец, будущий отец вернулся к нам, схватил меня за руку и потащил к калитке.

- Федя, куда ты меня тянешь?

- Нам срочно нужно в город!

- Можно мне хотя бы сменить пижаму на нормальную одежду?

Мефодий провёл по мне оценивающим взглядом и кивнул – можно!

Я исчезла в доме, через десять минут предстала его очам в платье, босоножках и с сияющим лицом без привычной косметики.

- Куда мы направляемся? – спросила я, следуя за мужчиной. Мои родственники потянулись за нами.

Оказавшись у своего автомобиля, Мефодий усадил меня на пассажирское сиденье и запоздало поинтересовался:

- У тебя паспорт с собой?

- Паспорт? А зачем мне паспорт?

- Без паспорта нас не распишут.

- Мы едем в загс подавать заявление?

- Обойдемся без заявлений.

- Разве так можно?

- Можно, если ты доктор – у тебя везде есть связи!

- Боишься передумать? – нахмурилась я.

- Майка, какая же ты у меня дурочка! Я тебя люблю и хочу на тебе жениться!..

Судьба не всегда бывает злодейкой...

Цикл «Хотите – верьте, хотите – нет»

И все же не надо забывать: на судьбу надейся, но и сам не сиди в тереме без движения; не забивай голову придумками, которые мешают двигаться дальше...

Октябрь – ноябрь 2019г.